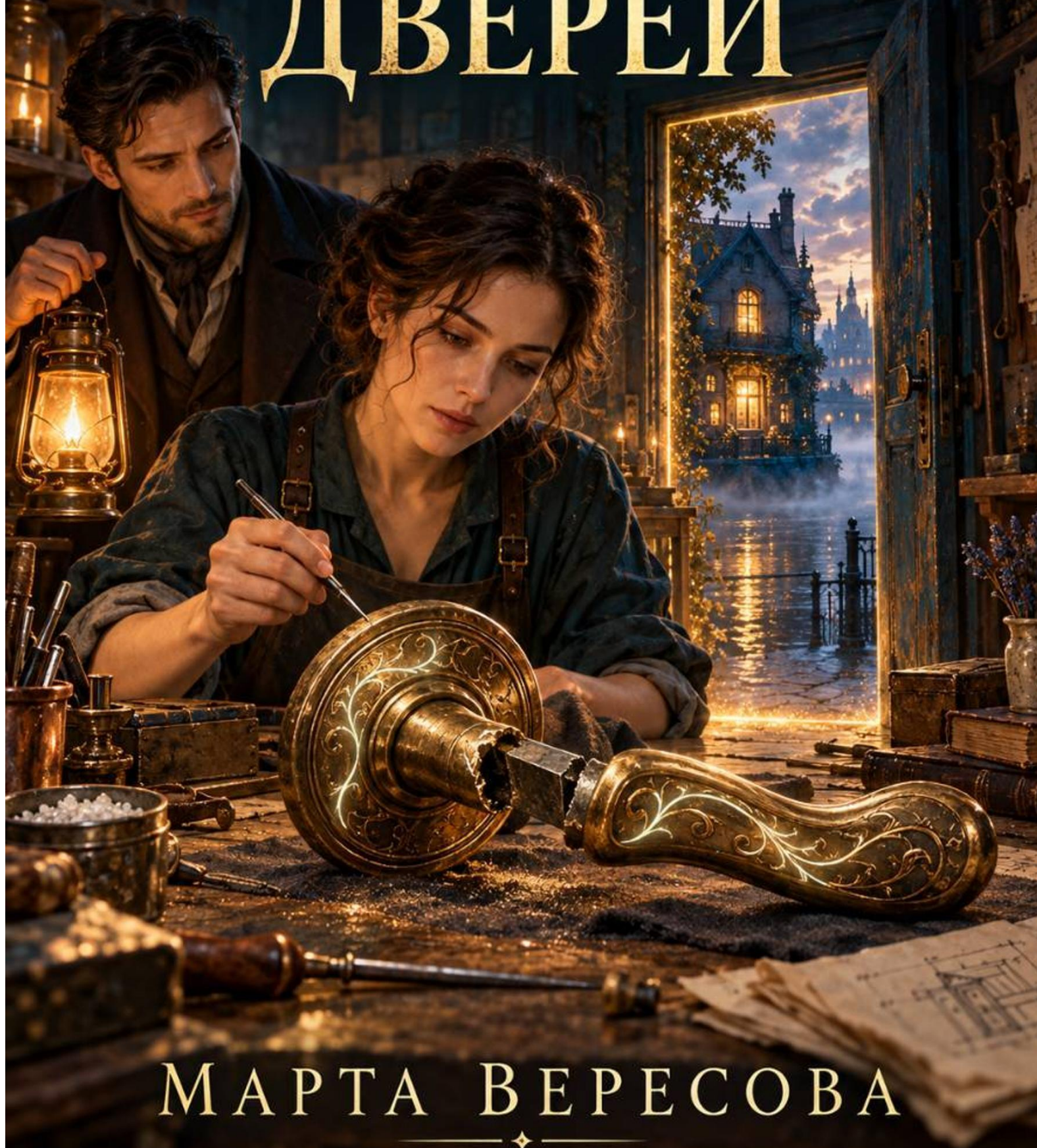

МАСТЕРСКАЯ ПОТЕРЯННЫХ ДВЕРЕЙ

МАРТА ВЕРЕСОВА

Марта Вересова

Мастерская потерянных дверей

«Автор»

2026

Вересова М.

Мастерская потерянных дверей / М. Вересова — «Автор», 2026

Женщина приносит в мастерскую сломанную дверную ручку и просит вернуть сына. На месте её дома теперь пустырь, в городских книгах квартира значится пустой — но из потемневшей латуни доносится детский стук. Вера Ракитина приезжает в Устье, чтобы принять наследство и начать собственное дело. Мастерская даёт ей то, чего давно не хватало: возможность самой распоряжаться своей жизнью. Однако первый же заказ приводит её к домам, исчезнувшим с городских улиц вместе с жильцами. Открыть путь к ним помогает Матвей Рудин, инспектор городской сохранности. Рядом с ним Вера постепенно забывает об осторожности, которой научил неудачный брак. Но Матвей скрывает свою роль в истории пропавшего дома, и каждый новый шаг к разгадке грозит разрушить возникшее между ними доверие. Вере предлагают выгодную работу, если она перестанет задавать вопросы. Она могла бы наконец рассчитаться с долгами и спокойно открыть мастерскую. Только за закрытой дверью всё ещё ждёт мальчик, которому она пообещала помочь.

© Вересова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марта Вересова

Мастерская потерянных дверей

Глава 1

Ручка с внутренней стороны

Женщина положила на мой верстак дверную ручку и спросила, сколько будет стоить вернуть сына.

Ручка была латунная, с круглой розеткой и обломком квадратного стержня. Такие ставили на кухонные двери: они редко ломались и легко отмывались. На сгибе застряла белая нитка. Женщина держала ручку двумя пальцами, пока я освобождала место среди коробочек и старых квитанций.

— Ваш сын её проглотил?

Она подняла на меня глаза, и я отложила квитанции.

— Простите. Покажите, что с ней.

Вывеска за дверью ещё покачивалась. Минут десять назад я перевернула её на «Открыто», главным образом ради крюка: хотелось проверить, не отвалится ли. На сегодня у меня были свои заботы — разобрать тёткин верстак, найти опись, добиться воды из кухонного крана. Луж на дворе хватало, а в доме приходилось беречь дорожный кувшин.

Женщина уселась на край табурета. Подол её серого платья промок до колен. Поверх платья был надет мужской плащ, слишком широкий в плечах; к вороту пристала сухая рыба чешуйка. Она выпрямила спину и положила руки на колени, словно уже знала: стоит начать плакать, её перестанут слушать.

— Семь лет. Лёва. Он остался дома. Я вышла, а назад не пускает.

— Замок?

— Дома нет.

Я присмотрелась к стержню. На свежем изломе латунь ещё блестела. Ручку выдрали с наружной стороны двери вместе с частью воротной жилки; её тонкий серебряный конец кто-то завернул в белую нитку. Под речным илом проступали два зубца ограничителя.

Это уже не кухонная ручка.

— Где вы жили?

— Соляная, девятнадцать. Второй этаж, квартира шесть. Вы не местная?

— Вчера приехала.

— А Агата Павловна?

Я сняла с жилки обычную хлопковую нитку. Кто-то обмотал ею острый конец, чтобы не поранить руку.

— Умерла.

Женщина замерла. Несколько секунд я слышала только скрип вывески да капли, падавшие с её плаща.

— Когда?

— Двенадцать дней назад.

— Я к ней и шла.

Она оглянулась на дверь и снова уставилась на верстак. Даже не спросила, кто я такая. Видимо, другого места, куда можно принести эту ручку, у неё не осталось.

— Я её племянница. Вера Ракитина. Вы можете рассказать мне.

— Она ставила нам звонок. В прошлом году, когда Нина ногу сломала. Чтобы из кухни слышно было, если она зовёт. А Лёва потом выучился стучать...

Женщина облизнула губы. Я взяла со стола пустую кружку — в ней ещё пахло тёткиным чаем — и налила воды из дорожного кувшина.

— Как вас зовут?

— Тамара Волкова.

— Пейте, Тамара. Звонок был связан с ручкой?

Она кивнула, взяла кружку обеими руками.

— Он говорит, я много сплю. После смены. Он в школе, я домой — и спать. Постучит, я слышу. Агата Павловна ещё смеялась: кому-то дверной звонок, а кому-то будильник от сына.

Я потянулась за тёткиным костяным щупом — узким, гладким от рук, с тёмным пятном у острия. В пятнадцать лет уже работала им и за попытку продавить дорожку получила от Агаты по пальцам. Дорожки следовало едва касаться. Щупов у меня с тех пор сменилось немало, а пальцы помнили урок.

Стоило коснуться серебра, как ручка тихо щёлкнула.

Тамара поставила кружку так резко, что вода выплеснулась на квитанции.

— Вот.

— Это разряд. Не трогайте пока.

В розетке ещё была соль, слипшаяся от воды. Если связь уцелела, остаточного заряда хватит на несколько звуков. Я поднесла ручку к уху; холодная латунь пахла мокрыми пальцами.

Ничего.

— Когда вы её сняли?

— Три дня назад. У служебного входа. Там светло было, дверь ходила. Я думала, выйду и попрошу... Лёва спал у Нины. У нас печь погасла, мы к ней перешли. Я не хотела его тащить, он после жара. А потом дверь захлопнулась. Я тянула ручку, она и отломилась.

— Вы сказали, это ваша квартирная ручка.

— Она. Когда дверь открылась, ручка была та же. Наша дверь, понимаете? С пятном от клея под номером. Лёва наклеил рыбу, Нина содрала. Только лестницы за ней не было. Были ящики и большой проход.

Тамара говорила медленно и всё возвращалась к одним и тем же подробностям: пятно от клея, рыба, ящики. За три дня она, должно быть, повторила эту историю не раз.

Я промокнула розетку чистой тряпкой и нашла снизу три короткие борозды и одну длинную. Агатин знак. Она ставила его с внутренней стороны, где чужие не смотрят: принесут вещь во второй раз — сразу узнаешь свою работу.

— Заявление подавали?

— Вчера. Меня отправили в Палату владений. Там сказали, дом разобран. Я показала книжку, а они — книжка устарела. Я попросила хотя бы найти сына. Девушка сказала: найдут, если он существует в учёте. Так и сказала.

Тамара достала из-за пазухи бумагу, сложенную вчетверо и завернутую в промасленную ткань. Выписку она уберегла лучше, чем себя от дождя. «Волкова Тамара Ильинична, нанимательница. Сын Лев Алексеевич, семь лет». Я вернулась к адресу и перечитала его, уже не торопясь.

Соляная улица, дом 19, квартира 6.

— Позавчера он постучал, — сказала Тамара. — А вчера нет. Агата Павловна говорила, соль нельзя мочить. Я намочила. Не нарочно.

— Сегодня утром стучал?

— Не знаю. Я в лечебнице на лестнице сидела. Уснула.

На подоконнике стояли часы без стекла, а гири лежали рядом. Стрелки застыли на без четверти два, возможно, ещё в день тёткиной смерти. За дверью проехала телега, загремели пустые бидоны.

— Они стучали в определённое время?

— До школы. В половине восьмого. Теперь школы нет. Я сказала ему: всё равно стучи. И в полдень тоже.

Я достала карманные часы. Восемь минут десятого.

— До полудня есть время. Попробую просушить.

Она кивнула, но с табурета не встала.

— Сколько?

Песок для сушки нашёлся в верхнем ящике, а стеклянная мера пропала. На её месте лежали три ложки, пуговица с якорем и расписка на тридцать рублей. Агата могла завалить стол чем угодно, но инструменты обычно знала где искать. Похоже, до моего приезда здесь уже похозяйничали.

— Сначала посмотрим, можно ли починить. За осмотр денег не возьму.

— У меня девяносто копеек.

Тамара выложила монеты на край верстака, чтобы не мешали. Я накрыла их блюдцем и подвинула подальше от воды.

— Будут здесь.

Я сняла обе прижимные шайбы, но розетка не раскрылась: кто-то посадил тонкую крышку на клей. Для воротной детали это никуда не годилось — температурному шву нужен свободный ход. Пришлось зажечь спиртовку и понемногу прогревать край.

Тамара следила за пламенем.

— Не сломается?

— Если буду торопиться — сломается.

Она убрала руки с колен и стиснула их между ногами.

Печь я ещё не растопила, и от верстака тянуло холодом. На стенах теснились чайники, фонари, двое часов; деревянный ящик предупреждал тёткиным почерком: «Лосева. НЕ ТРОГАТЬ, пока не внесёт». Возле задней двери висела её кофта, а поверх — фартук с пропалённой завязкой. Вчера в темноте я их почти не разглядела. Сегодня то и дело ловила себя на том, что смотрю туда, будто Агата сейчас придёт и наденет фартук.

Я приехала сюда жить, но пока всё вокруг оставалось тёткиным. Помнила эту мастерскую летом: пыль в солнечном столбе, Агата считает витки и велит мне помолчать. Вчера нотариус вручил ключ и пачку бумаг, предупредил насчёт продажи оборудования. Об утренней посетительнице с отломанной ручкой и пропавшим сыном никаких предупреждений не было.

Клей размягчился, и я сняла крышку. Под ней обнаружился ещё один оборванный проводник.

Первый проводник шёл к маленькому звонку, вполне обычному. Второй уходил в квадратный стержень и был слишком толст для квартирного звонка. Сплющенное серебро по кромке пересекала синяя насечка. Я едва различала её при нашем свете.

Я пододвинула лампу.

— Тамара, когда открылась та дверь, кто-нибудь рядом был?

— Мужчина с мешком. Он стоял спиной. Я думала, грузчик.

— Он вас видел?

— Я не оглядывалась.

Колокольчик над входной дверью дважды ударился о кронштейн. Вчера, когда я внесла чемодан, он звонил один раз: теперь дверь распахнули шире и придержали ладонью.

Мужчина в тёмном пальто, мокром у ворота, задержался возле верстака. Снимая перчатки, он успел оглядеть Тамару и раскрытый механизм и только после этого посмотрел на меня.

— Вера Павловна Ракитина?

— Андреевна.

— Прошу прощения. Агата Павловна указана в деле. Матвей Рудин, Палата городской сохранности.

Он протянул удостоверение, но у меня на пальцах был клей. Не дождавшись, мужчина сам раскрыл книжку и положил её на чистый край стола.

По удостоверению всё сходилось: Матвей Рудин, инспектор второго разряда. На фотографии он выглядел старше и сердитее, чем в жизни. Лет тридцать пять, тёмные волосы, примятые шляпой. Я заметила круги под глазами, обкушенную нижнюю губу и небольшой белый шрам под ней.

— Я по поводу осмотра перед передачей мастерской. Бекетов предупреждал?

— Говорил, придут на неделе.

— Сегодня четверг.

— Неделя довольно длинная. Особенно для человека, который приехал вчера вечером.

Он посмотрел на спиртовку.

— Вы уже начали работать?

Я уже хотела ответить, что всего лишь сушу ручку, но он заметил синюю насечку. Так внимательно посмотрел на неё, что я невольно отвела щуп.

— Где вы это взяли?

Тамара вскочила, ударив табуретом о стену.

— Это моё. Я принесла.

Инспектор повернулся к ней:

— Не трогайте. Пожалуйста.

Последнее слово он добавил, когда она уже протянула руку.

— Вы из полиции? — спросила Тамара.

— Нет.

— Тогда вам какое дело?

— Это часть воротной опоры. Она может быть связана со служебной рамкой.

Я выключила спиртовку. Под крышкой поблёскивал расплавленный клей.

— Звонок вы тоже видите?

— Вижу. Какая здесь остаточная ёмкость?

— Не измеряла. Меру ищу.

Он снял пальто и занял свободный крюк, не спросив. Я уже открыла рот, но увидела, что тёткин крюк он обошёл, и промолчала.

— В правом ящике. За заслонкой.

В правом ящике нашлись только карандаши и ножницы. Инспектор потянулся к нему, подождал, пока я отступлю, и нажал на деревянную стенку слева. Та сдвинулась. За ней стояла моя пропавшая мера.

— Вы здесь бывали?

— Да.

— По работе?

— В том числе.

Что значило «в том числе», он объяснять не стал. Протёр меру своей салфеткой, присоединил один контакт, а второй дал мне подержать. Жидкость в стекле поднялась на четыре деления.

— Звонок, — сказала я. — Опора не запитана.

— Пока.

— Я не собираюсь подводить к ней питание. Клиентка принесла её послушать.

— Клиентка должна была принести её к нам.

Тамара коротко засмеялась. Я поняла, сколько усилий стоило ей сидеть тихо.

— Я и принесла. Девушка в окошке сказала, с улицы всякое таскают. Позвала сторожа.

Он меня выкинул.

Матвей убрал салфетку в карман.

— Из Палаты сохранности?

— Владений. Не знаю, сколько у вас палат. Там, где про дома.

— Кто принимал заявление?

— У неё брошь была. С птицей.

— Вы могли бы назвать адрес?

— Соляная, девятнадцать, квартира шесть. Можно я сяду?

Я подняла табурет раньше, чем он успел это сделать.

Матвей вынул из кожаной папки план квартала и провёл пальцем вниз. Я увидела красные квадраты домов, отметки колодцев, толстую линию вдоль берега. Его палец остановился на штрихованном прямоугольнике.

— Дом девятнадцать выведен из эксплуатации, — сказал он.

— Да я знаю, как у вас написано.

— Тамара, — я коснулась её плеча. — Дайте сказать.

Дом на плане перечеркнули, улицу оставили. По краю шёл свежий штемпель. В городских условных знаках я не разбиралась, но зачёркнутый дом ещё не означал пустого места.

— Выведен или разобран? — спросила я.

Матвей не ответил сразу.

Из открытой розетки раздалось три негромких удара.

Мы все замолчали.

Первый удар был чётким. Второй чуть слабее. Третий догнал его почти без паузы. Пузырёк в стеклянной мере дёрнулся и опустился на полделения.

Тамара подалась вперёд. Я удержала её за рукав.

За дверью снова гремели бидоны, кто-то торговался с возчиком. На подоконнике лежали остановившиеся часы. В раскрытом механизме, между грязной солью и обломком серебра, щёлкнуло ещё раз.

— Это он, — сказала Тамара. — Он так стучит, когда раньше пришёл.

Матвей положил палец на край розетки, близко к синей насечке, и приложил ухо. Я впервые увидела, как у него дрогнула щека.

— Уберите руку с контакта, — попросила я.

Он послушался.

Я развернула щуп тупым концом и трижды ударила по латунному краю. Постаралась выдержать ту же паузу. Тамара шепнула «два», и я ударила ещё два раза.

Ответа не было так долго, что я успела заподозрить остаточный разряд: повреждённая опора иногда повторяла один и тот же звук. Но вслед за тремя ударами послышался длинный скрежет, а затем два коротких удара.

Тамара закрыла рот ладонью.

— Он монеткой. Я ему дала монетку, чтобы ногтем не ломал.

Матвей сунул план в папку, не сложив как следует, так что край остался торчать.

— Мне понадобится эта деталь.

— Для чего? — спросила я.

— Для проверки.

— Здесь проверяйте.

— Вера Андреевна...

— Если заберёте, выдадите расписку. С рабочим адресом, именем ответственного и временем следующего испытания. Она должна знать, когда услышит сына.

Я положила шуп поперёк верстака. В Боровске так оставляли работу, которую нельзя трогать без согласования. Руки вспомнили раньше меня.

Матвей перевёл взгляд со шупа на мои руки, потом на Тамару. Возражать не стал: достал чистый бланк и устроился на втором табурете.

— Сначала измерим вторую жилку. Вы умеете снять восковой оттиск без подачи тепла?

— Умею.

— Найдите воск. Мягкий. И все металлические вещи уберите с края стола.

Я убрала блюдце с Тамиными монетами. Девяносто копеек перекатились под фарфором и звякнули — громче, чем ребёнок за дверью, которой у нас не было.

Глава 2

До двенадцати

Мягкий воск нашёлся в жестяной коробке из-под леденцов. Он был завернут в тёткину квитанцию за дрова, и на одном краю отпечаталось «оплачено». Грязную часть я срезала, остальное размяла в ладонях.

Матвей достал из папки складную подставку, установил на ней розетку. Тамара стояла за его плечом. Он дважды просил её сесть, потом перестал.

— Под стержень надо дать упор, — сказала я.

— Дайте.

Я взяла деревянный брусок. Матвей подвинул подставку и придержал её ножку, освобождая мне место. Дальше мы работали почти без слов: я прижимала воск к внутренней стороне розетки, осторожно, от середины к краям, чтобы не оставить пузырьков, а он держал лампу. Потом я оттянула воск за тонкую медную петлю.

На слепке выступила сетка борозд. Тёткин знак оказался в верхнем углу. Ниже шла дорожка звонка — знакомый двойной виток с коротким обратным хвостом. А поперёк неё лежал чужой рисунок: угловатый, с тремя глубокими выемками.

— Это добавили потом, — сказала я.

Матвей приблизил лампу.

— Почему?

— Пересекли обратный виток. При сборке Агата его поджала бы, иначе звук дребезжит. Она не терпела дребезга.

Он взял мою лупу, посмотрел, вернул.

— Можно убрать? — спросила Тамара.

— Пока не знаем, — ответил он.

— Если убрать, звонок вообще замолчит, — сказала я. — Он сейчас держится на обломке. Жилка одна из двух, но связали их вместе.

— Это опасно?

— Бывает, — сказал Матвей.

Такой ответ Тамаре ничем не помог. Я провела ногтем по угловатой борозде на воске и попробовала объяснить понятнее.

— Когда в дверной звонок впаивают чужую жилку, она может вытянуть из него заряд. Может сработать сама. Мы не знаем, что стоит на другом конце, и не будем подавать больше того, что было здесь.

Тамара слушала, глядя мне в лицо, словно собиралась потом повторить каждое слово. В соседней комнате скрипнула половица. Я ещё не успела обернуться, когда нас окликнули.

— А кто мне соль пересыпал?

В дверном проёме стояла девушка в коротком ватном жакете. На шее у неё висели два ключа, один большой, другой с красной ниткой. Правый рукав был перевязан выше запястья тесёмкой, чтобы не мешал работать.

— Никто, — сказала я.

— Банки вверх ногами.

— Я их так нашла.

Она оглядела стол и сразу заметила слепок.

— Холодный воск надо было в зелёной банке взять. Этот для челюстей.

Матвей убрал руки с подставки.

— Феня, ты видела эту деталь у Агаты?

— Нет. Здравствуйте.

«Здравствуйте» досталось ему. Мне девушка кивнула отдельно.

— Вы Вера? Я Феня. Мне велели к десяти, но трамбовку у моста сломали, пришлось пешком.

— Кто велел?

— Бекетов. Будто у него больше дел нет, кроме моих часов. Он вам мои деньги отдал?

— Не отдал.

Феня сняла жакет, пристроила рядом с пальто Матвея и сразу полезла в шкаф. Зелёную банку она нашла без поисков, встряхнула и поставила передо мной.

— Этот к соли не липнет. А там, — она кивнула на мой слепок, — потом всё выковыривать.

Я подняла слепок и увидела в одной из выемок белую крупинку. Феня была права.

— Есть тонкий скребок?

Феня выложила скребок, мягкую кисть и чистую ткань. Пока я убирала крупинку и срисовывала насечку, Матвей проверил жилку на остатки воска. На его широких пальцах, возле ногтя, чернела полоска. Таких следов от чтения актов не бывает.

— Можно ещё раз постучать? — спросила Тамара.

Мера показывала чуть больше трёх делений. Пока мы разбирали механизм, соль понемногу отдавала заряд.

— Один раз. И подождём.

Тамара вытащила из кармана медную монету. Я протянула ей ручку, придерживая корпус на подставке. Она стукнула два раза, помолчала, ещё один. Потом наклонилась:

— Лёвушка?

От Тамариного дыхания запотело стекло меры, и я осторожно отодвинула ручку.

— Здесь есть передача голоса?

Феня покачала головой.

— Был стук и звонок. Агата Павловна ругалась, что он и ночью испытывает.

Я посмотрела на Тамару. Она опустила монету на стол.

— Он не слышит меня?

— Голос не слышит. Зато слышит удары.

— А раньше слышал. Я ему из кухни говорила: подожди.

— Кухня была рядом.

Тамара отвернулась к окну. Лишь теперь я заметила, как ворот плаща натёр ей шею: красная полоса уходила вниз, под ткань.

Для голоса нужна была акустическая пластина. В Боровске они лежали в отдельном ящике, между войлочными прокладками; у Агаты искать по этому правилу было бесполезно. Феня выслушала меня, усмехнулась и принесла из задней комнаты кувшин. В нём позвякивала жёсть.

— У него горло широкое. Она так и сказала: отлично, не потеряются.

Из трёх кругов два оказались мятыми. У последнего уцелели ребро и глухая пластинка в середине. Я проверила его ногтем, прижала к мерке и потянулась за серебряной катушкой. Матвей до этого молчал, а тут придержал её край.

— Звуковой виток придётся расширить. Это добавочная нагрузка.

— На три минуты, — сказала я. — Потом сниму.

— Сначала испытание без соединения.

— Вы всё время так разговариваете?

— Когда кто-то держит в руках воротную опору — да.

Пришлось вернуть катушку на место. Я составила пустой замкнутый виток из двух чистых пластин и дала заряд от маленькой солевой чашки. Мой голос вернулся сухим и тихим, будто я говорила из сундука.

— Вера.

Матвей услышал это раньше Тамары и поднял взгляд с меры.

— Потеря меньше четверти. Уберите питание. На остатке ручки должно хватить.

Я посмотрела на его схему, потом на свою.

— Вы где учились?

— В техническом училище при шлюзах.

— Понятно.

— Что именно?

— Почему вы считаете быстрее меня.

Он чуть раздвинул губы, посмотрел на Тамару и опустил глаза к контактам.

Я завела тонкую жилку под обратный хвост звонка и закрепила воском из зелёной банки.

Матвей помог присоединить пластину, Феня держала лампу. Тамара так и осталась стоять в стороне; предложить ей табурет уже никто не догадался.

Сначала я услышала шорох: по ту сторону кто-то подвинул ткань возле двери. Потом раздался глухой кашель. Там был взрослый.

Тамара выдохнула:

— Нина?

— Ещё нет, — сказала я. — Подождите. Если заговорить сейчас, снимем заряд вхолостую.

Я по очереди прижала ограничители, и шорох стал чётче. На пластине проступила капля воды; мера опустилась ниже второго деления.

— Говорите близко. Тихо.

Тамара наклонилась так, что я увидела пробор на её затылке, неровный, сделанный второпях.

— Нина, это я. Тамара. Лёва с тобой?

Пластина затрещала. Я ослабила правый зажим.

— ...господи... ты где?

Тамара закрыла глаза. Я придержала её за локоть, чтобы она не навалилась на верстак.

— В мастерской. У Агаты. То есть... у племянницы. Лёва?

— Спит. Стучал, стучал... уснул у двери. Я его на диван переложила. Тамара, выходшла?

Матвей сделал движение к столу. Я подняла ладонь: дайте им.

— Я вышла, назад не могу. Ты ему скажи, я здесь. Я скоро...

— Не обещайте срок, — тихо сказал Матвей.

Тамара глянула на него с такой ненавистью, что он отступил.

— Я за ним приду, — сказала она в пластину. — Слышишь? Я приду. У вас еда есть?

— Крупа. Хлеб привезли. Воду дают утром. Опять через комнату у дворника, а дворника нет. Лёнька оттуда сам забрал. Ты заявление подала?

— Подала.

Я успевала записывать только отдельные слова: «вода утром», «комната дворника», «хлеб». Каждое третье слово пропадало, и жидкость в мере уже подрагивала у нижней черты.

— Нина, — Матвей наклонился рядом с Тамарой, — как ваша фамилия?

— Кто это?

— Матвей Рудин. Инспектор. Здесь ваша соседка. Я помогу выяснить, куда выходит дверь. Назовите фамилию.

— Бочарова. Вы нас выпускать будете?

— Постараемся открыть проход. Сколько людей в доме?

Связь зашипела и почти стихла. Под нижним зажимом треснула изоляция. Отпусти я его — и тонкая жилка легла бы на толстую воротную опору. Я подставила щуп, удерживая зажим.

— Двадцать... — сказала Нина. — На третьем... ещё двое... Старик не ходит.

— Есть больные?

— Да кто здоровый, если...

Матвей заметил мой щуп.

— Всё. Снимайте.

— Лёву разбуди, — попросила Тамара. — Нина, разбуди, пусть...

Я отключила пластину.

Тамара схватила меня за запястье.

— Ещё минуту.

— Жилка ложится. Можно сжечь звонок совсем.

— Я не поговорила с ним.

Тамара сжала запястье так, что ноготь попал в старый шрам на ладони. Я не отняла руку. Сказать ей, что больно, сейчас было невозможно.

— Мы сохраним связь. И вы поговорите.

— Вы сказали три минуты.

— Я ошиблась.

Тамара отпустила мою руку и ушла к окну. Пока она стояла спиной к нам, я разобрала временный виток и подняла остаток изоляции. Снаружи плёнка казалась целой, внутри рассыпалась в труху. При испытании я проверила пластины, а старую изоляцию лишь осмотрела. Агата за такую работу сняла бы с меня фартук и отправила чистить печь.

— Отдельную связь можно собрать? — спросил Матвей.

— Если найти второй конец. Либо посадить жилку на новую опору прямо здесь. Но я не знаю, что нагружает чужой рисунок.

— Значит, сначала выясним адрес.

Феня подала чистую баночку для снятой изоляции. Пока я укладывала кусок внутрь, Матвей вписал в бланк номер детали и подвинул ко мне карандаш.

— Подпишите, что осмотрели вместе.

Я прочла акт. В графе «обнаруженные лица» стояли фамилии Тамары, Нины и Лёвы, ниже — «Неустановленное количество иных жильцов». По моей просьбе Матвей добавил, что голос свидетельницы слышали все присутствующие. Феня расписалась под моим именем, Тамара поставила подпись возле окна.

— Здесь кто-то умеет чай делать? — спросила Феня.

Я посмотрела на неё.

— Самовар глухой, — пояснила она. — На плите надо.

— В кухне воды нет.

— Там вентиль закрыт. Внизу.

Она ушла через заднюю дверь. Под полом загудело, трубы дважды стукнули. Через минуту на кухне побежала вода.

Матвей убрал бланк в папку. Для Тамары сделал копию через тонкую красную бумагу, скрепил маленькой печатью. На печати был мост, а не птица.

— Сегодня я проверю участок. К полудню вернусь.

— С ручкой? — спросила я.

— Ручка остаётся у вас. В защитной коробке, без питания. До повторного осмотра запрещено соединять её с другими воротными деталями.

— Я и не собиралась.

— Вы собирались расширить звуковой виток на три минуты. Получилось меньше двух. Запрет запишите, пожалуйста.

Я вспыхнула. Больше всего злило, что возразить было нечего, а спорить хотелось.

— Подключали мы оба.

— Я это указал.

В копии нашлось и его согласие на испытание, и подпись рядом со временем. Ответственность на меня одну он не сваливал.

Феня вернулась с чайником и четырьмя кружками. У одной не было ручки. Она поставила её перед инспектором. Судя по спокойному лицу Матвея, это случалось и раньше.

— Осмотр мастерской вы всё-таки проведёте? — спросила я.

— После участка. До этого нужно изолировать оставшиеся воротные заказы и сверить журнал.

— У меня есть разрешение на работу?

— Лицензия Агаты Павловны прекращена. Вам дадут временное разрешение на опись и безопасные бытовые испытания. Если хотите принимать платные заказы, подайте документы на свою квалификацию.

— А до тех пор?

— Не запускайте то, что не вправе запускать.

Феня высыпала чай в ситечко.

— Вере жить на что?

Матвей посмотрел на неё, потом на меня.

— У вас есть свидетельство об обучении?

— Есть. И семь лет стажа.

— Самостоятельного?

— Восемь месяцев. Остальное в помощниках.

Он подвинул папку, освобождая место для кружки.

— Для допуска к мелкому бытовому ремонту этого хватит. Для аттестации мастерской нужен практический осмотр. Я назначу комиссию как можно раньше. Греть чайник вы вправе, чинить городской шлюз — нет. Между ними большая область работ.

Я допила воду из своей кружки и поставила её под струю чая.

Тамара сначала отказалась от чая, но под моим взглядом всё-таки взяла кружку. Держала осторожно, за целую ручку. От воска и дешёвой заварки в мастерской запахло обычным рабочим утром. Таким, в которое чинят чайники и не ждут стука от ребёнка из пропавшего дома.

Матвей чай не допил. Снова надел пальто, проверил защитную коробку — её принесла Феня, вместе с двумя целыми прокладками — и выписал мне временное разрешение. Номер я переписала в свою дорожную тетрадь.

— Тамаре куда сейчас идти? — спросила я.

— Если может, пусть останется здесь. Мне понадобятся показания на месте.

— Может, — сказала Тамара.

Когда дверь за ним закрылась, Феня посмотрела на розетку в коробке.

— Агата Павловна такого рисунка не делала.

— Ты уверена?

— Если бы делала, велела бы мне не смотреть и поставила бы лампу в угол. А я бы посмотрела.

Феня быстро собрала обрезки воска, ни разу не перепутав банки. Из одной выскользнула карточка с тёткиным почерком. Я потянулась к ней, но Феня оказалась проворнее.

— Это за масло. Я потом вам покажу счета.

Карточка исчезла в кармане фартука. Может, и правда была за масло. Я не стала останавливать девушку, которая знала, где вентиль, и явно рассчитывала наконец получить свои деньги.

Тамара села на табурет. Пальто инспектора успело оставить на полу лужицу; её плащ — ещё одну. Феня подложила под обе старую мешковину.

— Вы можете наверху поспать, — сказала я Тамаре. — Там кровать. До полудня ещё два часа.

— А если он постучит?

— Поднимусь за вами.

— Услышите?

Я поставила защитную коробку поближе к себе и оставила крышку открытой, чтобы не заглушать стук. Тамара проследила за каждым движением и только потом отступила от верстака.

— Услышу. Лестница рядом.

Она не ушла сразу: посидела ещё немного и допила остывший чай. Потом сняла мужской плащ, сложила мокрой стороной внутрь и положила возле двери. На спине её платья было несколько свежих заплат, пришитых разными нитками.

Я проводила её наверх. На кровати ещё лежало моё дорожное одеяло. Тамара села, стянула туфли и, не раздевшись, легла на бок лицом к стене.

— Разбудите, — сказала она.

— Да.

На лестнице я встретила Феню. Она несла сухую простыню и старые шерстяные носки.

— У неё ноги ледяные.

Я взяла у Фени простыню, а она прошла к Тамаре с носками. Тут снизу донёсся короткий стук. Я поспешила к верстаку, записала время и ответила дважды.

В ответ больше не постучали. Я оставила щуп рядом с коробкой — теперь он мог понадобиться в любую минуту — и наконец вернулась к квитанциям.

Глава 3

Чужие долги

Первым в тёткиной книге оказался заказ на расчёску от вшей. Я перевернула страницу: напротив стояло «возвращена, действует». Следом шли два утюга, детская грелка, калиточный замок и кофейник, который кипятил воду только в присутствии хозяина.

— Ревнивый, — сказала Феня.

— Человек или кофейник?

— Человек. Сестра ему кофейник подарила. Хотела показать, что хозяйство его без него пропадёт. Агата Павловна сказала: с сестрой сами разбирайтесь, дорожку я поправлю.

Я листала дальше. Агата записывала, что заменила, сколько ушло на материал, кто обещал прийти в субботу. Вместо суммы кое-где стояло одно слово: «потом».

— Много таких?

— Которые потом? Много. Если человек вовремя принёс деньги, она удивлялась.

Феня вытирала баночки, стоя напротив. Я попросила её присесть и помочь с клиентскими вещами. Садиться она не стала, зато принялась снимать их со стены. В три коробки пошли оплаченные, неоплаченные и те, с которыми пока было непонятно. Мне оставалось записывать номера.

Набралось сорок семь вещей: девять уже готовых, восемь годных только на запчасти и три оплаченных вперёд, к которым Агата даже не приступила. Среди последних был подогреватель бельёвого бака для лечебницы. Феня сразу предложила вернуть задаток.

— Сколько?

— Шесть рублей. Заказывают уже второй месяц, теперь им срочно.

Я внесла шесть рублей в отдельную колонку.

— Эти деньги где?

Феня показала на чугунную печь.

— Дрова. Она болела, всё время мёрзла.

Я остановила карандаш. Феня отвернулась к фонарям.

— Я ей говорила, может, на день закрыть. Она всё равно сидела. Один раз уронила кружку. Я думала, просто рука...

Она сняла со стены красный сигнальный фонарь и встряхнула его возле уха. Внутри что-то хрустнуло.

— Этот на выброс. Стекло сыпется.

Я подставила коробку. Феня опустила в неё фонарь осторожнее, чем собиралась, и долго тёрла ладони, хотя осколков на них я не видела.

Я дважды пересчитала тёткину наличность: четыре рубля двенадцать копеек. На дне ящика нашлись обёртка от леденца и ещё пяточок, приклеенный сиропом. Я отлепила его и положила к остальным.

Феня посмотрела на монеты, но ничего не сказала.

— Сколько тебе должны?

— Четыре шестьдесят. За три недели. Здесь записано.

Она принесла свою тетрадь. Каждая работа была отмечена датой: чистка, разборка, перенос котла, приготовление солевых чашек. У слова «котёл» стояла добавочная сумма.

— Почему дороже?

— Тяжёлый. Его вдвоём тащили, мне Илья помогал. Ему я уже заплатила.

В дорожном кошельке у меня осталось восемнадцать рублей семьдесят копеек. Из тёткиной кассы Фене можно было заплатить, но тогда почти нечем возвращать задатки. Не платить тоже было нельзя: она могла хоть сейчас снять ключи с шеи и уйти.

Я отсчитала четыре рубля шестьдесят.

— Распишись.

Она посмотрела на мой кошелёк.

— Это ваши.

— Пока да. Внесём в наследственный расчёт. Я ещё не знаю, как он делается.

Феня расписалась в обеих тетрадях, проверила сумму и завязала деньги в носовой платок. Только рубль отложила отдельно.

— Мама просила не брать бумажными. Теперь можно уголь купить. Вы меня оставите?

— А ты хочешь?

— Если платить будете.

— Я тоже хотела бы знать, буду ли.

Она присела наконец на табурет.

— У Лосевой можно получить. Там всё готово. Только Агата Павловна не хотела отдавать, потому что она прошлое не внесла.

— То есть за эту работу деньги есть, а за предыдущую нет?

— Есть. Но она принципиальная.

Я посмотрела на ящик с крупной надписью «НЕ ТРОГАТЬ». Тёткины принципы были рассчитаны на человека, который успел прожить здесь тридцать лет и знал, кто в конце концов заплатит. У меня такого запаса не было.

— Прежде чем отдать, надо проверить. Пока оставим.

В описи оборудование выглядело солиднее, чем в мастерской. Верстак, тиски, сушильный шкаф, два насечных станка и калибровочная мера были на месте, а за «нагревателем стационарным» скрывалась наша чугунная печь. Один станок заедал на обратном ходе, у второго не доставало двух держателей. Агата одолжила их ученику из соседнего квартала и так и не забрала.

— Запиши имя.

— Он отдаст. Я уже говорила.

— Тогда будет проще, если я буду знать, кому.

Феня сунула клочок с именем под нужную строку. Он норовил выпасть из книги, и я загнула угол. Теперь мне предстояло ещё и собирать по городу тёткины инструменты.

В Боровске Семён Крушин называл это «ставить хозяйство». Он приезжал после обеда, передвигал на столах коробки, вычёркивал половину моих записок и уходил. Вечером я возвращала коробки на место. Клиенты всё равно спрашивали его, когда будет готово, хотя большинство заказов последние два года делала я.

В свидетельстве Крушин написал: «Способна выполнять подсобные работы под руководством». Восемь месяцев самостоятельного ремонта он подтвердил отдельно, когда я показала квитанции с собственной подписью. Я привезла оба документа. Первый хотелось порвать ещё в поезде, второй пришлось сложить рядом.

— Вы сюда насовсем? — спросила Феня.

— Если мастерская не окажется дороже, чем я.

— Вы её не продадите?

— Пока нельзя. Потом посмотрим.

Феня встала и опять принялась за коробки, а я пожалела о своей лёгкости. Мне мастерская досталась вчера — вместе с неудобным наследством. Феня ходила сюда три года, носила ключ на красной нитке, знала каждую банку. Продать всё это для неё значило совсем другое.

— Я собираюсь работать, — добавила я. — Не приехала ради продажи.

Феня кивнула, не оборачиваясь. Этого ей пока хватило.

Из-под нижней полки вывалился пакет писем. Верхнее уведомляло о долге за участок: пятьдесят один рубль двадцать копеек. Тётке принадлежало здание, а земля была городской. Я вернулась к нотариальной описи. Всё верно: на второй странице, внизу, мелким почерком. Вчера я туда даже не заглянула как следует.

— Феня. А уведомления ей приносили?

— Всё приносили. Она их туда клала.

— Читала?

— Иногда при мне.

За уголь были должны восемнадцать шестьдесят. За проверку оборудования — три рубля сорок. Итого семьдесят три рубля двадцать копеек, не считая клиентских задатков. Стоимость наследства вдруг приобрела вполне различимый запах: сырые дрова, пыльный войлок, тёткина шерстяная кофта.

Я сложила уведомления отдельно. Очень хотелось лечь и хотя бы полчаса ни о чём не думать, но мою кровать уже занимала Тамара.

Феня поставила передо мной кружку. В ней был вчерашний чай, подогретый на плите.

— За участок не сразу надо. Есть месяц. Если заявление на рассрочку подать, ещё дадут. У Лосевой тоже так.

— Ты откуда знаешь?

— Она всё время жалуется. Только не говорите, что я сказала. Ей нравится думать, будто никому неизвестно.

Я отпила. На дне плавала чайинка, слишком большая для маленького ситечка. Долг никуда не исчез, но обрёл срок. Месяц всё-таки отличался от сегодняшнего утра.

Мы натянули на верстак чистую клеёнку, пока я не испачкала квитанции окончательно. Я привезла с собой два фартука, хорошую лупу и набор собственных щупов. Всё остальное после развода осталось у Игоря или было продано. Долю в сушильном шкафу я уступила за оплату нашего последнего квартирного долга. Он считал это великодушием с моей стороны и сказал об этом при нотариусе. Мне просто хотелось закончить.

Игорь уже женился снова. На женщине, которая любила принимать гостей. Я узнала случайно, из письма его матери, куда она вложила чужую фотографию и свою привычную приписку: «Ты только не обижайся».

Здесь на стене висела тёткина фотография: двадцатилетняя Агата возле строящегося моста, в брюках, с одной рукой на бедре. Рядом стояли ещё семь человек. Я не знала ни одного. Тётка никогда не рассказывала об этой работе, зато помнила каждую мелочь моих летних ошибок. Две жизни одного человека, и от второй мне достались долги.

В половине двенадцатого Тамара спустилась. Из туфель выглядывали Фенины носки. Умылась на кухне, убрала мокрую тряпку и попросила дать ей что-нибудь сделать.

— Любую. Пока ждём.

Я нашла для неё обёртки готовых заказов. Тамара рассортировала их по размеру, потом взялась складывать новые из большого листа. Сгибы прижимала ногтем, края совмещала ровно. Объяснять ничего не пришлось.

— У вас в лечебнице смена когда? — спросила я.

— Ночная сегодня.

— Сможете выйти?

— Если Лёва выйдет — смогу. Если нет, пойду к старшей. Она даст ещё день, наверное.

Феня поставила возле Тамары миску вчерашней каши. Где она её нашла, я решила не спрашивать. Тамара съела четыре ложки и пододвинула остальное ко мне. Мы разделили порцию прямо в миске. У меня с вечера во рту был только сухарь, так что я не стала соблюдать приличия.

— Когда у вас перестала открываться дверь? — спросила я.

Тамара задумалась.

— Двадцать первого. После проверки. Нам объявили, что надо в домах сидеть, пока насыпь укрепляют. Рабочие ходили по лестнице, ставили пластины. Сказали, дня два. Потом вход не открылся. Лёнька ломом пробовал — лом выдернуло. Хорошо, что не по голове. Мы к окнам: там улица, но как мокрое стекло. Звать можно, никто не слышит. Нина меня от окна оттащила. Я сказала, пойду на работу, она велела не прыгать, я ей — я и не собираюсь...

Она запнулась, покосилась на Феню.

— Лёва тогда у меня сидел на полу. Всё слышал. Я теперь думаю, зря при нём.

— Вам хоть что-нибудь объяснили?

— Принесли лист. Что временное перемещение и надо сохранять спокойствие. Лист под дверь просунули. Там даже имени не было. Только номер.

— Сохранили?

— Нина все бумаги сохраняет. У неё коробка от сапог.

Я записала и это. Тамара смотрела, как появляются строки.

— Вы думаете, нас специально?

— Я пока не знаю.

— Мне сказали, подождать. Потом, когда вышла, опять подождать. Если бы я знала, сколько ждать, я бы хотя бы...

Она взяла новую обёртку, но палец продавил бумагу. Тамара скомкала испорченный лист, отложила и принялась разглаживать следующий.

Я подвинула к ней целый лист.

Матвей вернулся за пять минут до полудня. На сапогах высох белёсый ил, рукав был измазан кирпичной пылью. С ним пришёл невысокий мужчина в зелёном жилете, прижимая папку с тёткиным именем на корешке.

— Бекетов велел передать, — сказал он. — Опись первоначальных работ, старые разрешения, реестр незакрытых заказов. Подпись здесь.

Феня забрала папку, я расписалась.

— А сам Казимир Иванович?

— В Палате. После трёх будет в конторе.

Курьер ушёл, не снимая шляпы. Я поставила ему на бумаге число и полное имя, чтобы потом никто не искал «племянницу».

Матвей присел возле коробки с ручкой. Не открывал, только проверил меру через маленькое окно в крышке.

— Участок огорожен. Дома с обычного прохода не видно. Но это не снос.

Тамара схватилась за край стола.

— Значит, он там?

— Да. Где именно — нужно выяснить по опорному знаку. Я принёс план до перемещения. С вами можем найти служебный вход, из которого вы вышли.

— Сейчас?

— После стука. Мы дождёмся полудня.

Никто не возразил. Я открыла коробку, взяла шуп. Тамара стояла рядом, уже в своём мокроватом плаще. Матвей положил планы поодаль, чтобы они не касались механизма.

Стучали на этот раз с задержкой. Тамара успела спросить, правильно ли идут мои часы. Я сказала, что проверяла на вокзале. Когда раздались первые два удара, она сама ответила, уверенно, не спрашивая, сколько ещё можно.

Голосовой виток мы не ставили. Тамара поняла почему. Передала привычную последовательность, выслушала ответ и сама отдала мне шуп.

— Он не будет бояться, если я отвечаю.

Я закрыла крышку. Феня всё это время молча разбирала принесённую папку.

— Вера, — позвала она, — вот есть ещё журнал. Этот я не видела.

Тетрадь была маленькая, в чёрной обложке с мягкими углами. Первые два листа вырвали. На третьем стояло: «С-19. Копии оставить отдельно. Перед передачей сверить опись». Ни суммы, ни фамилии клиента. Под записью — тот самый угловатый знак, который мы сняли с ручки.

Я посмотрела на Матвея. Он стоял возле двери и застёгивал пальто. Я показала рисунок, не отдавая тетрадь.

— Она уже работала с этим?

Он вернулся к столу, наклонился. Я не могла разобрать его выражение: лампа светила сбоку, оставляя глаза в тени.

— Похоже. Где остальное?

Феня вытряхнула папку. На клеёнку упали старое разрешение, накладная на соль и пустой конверт.

— Всё, что принесли.

Я вложила чёрную тетрадь в свою дорожную сумку. Матвей заметил, но не попросил оставить.

— Феня, мы идём на Соляную. Мастерскую закрой. Никому ручку не отдавай, даже если принесут новую расписку. Пусть придут, когда вернусь.

— А вещи если забирать будут?

— Только оплаченные, только по квитанции. И не отворачивайся от двери.

Она хотела что-то ответить, посмотрела на Тамару и передумала. Взяла большой ключ с шеи, проверила задвижку задней двери.

На улице наконец выглянуло солнце. Я заперла мастерскую снаружи. Из окна Феня показала мне второй ключ и помахала им вслед.

Глава 4

Соляная улица

До Соляной было минут двадцать. В Устье всякий путь казался короче по прямой, пока не доходишь до протоки. Тогда приходилось искать мост. На ближайшем доски подняли для ремонта, на следующем стояла очередь телег. Матвей повёл нас через пешеходный переход возле мельницы.

Тамара шла быстро. На поворотах она не ждала, пока инспектор укажет дорогу. Я отстала на несколько шагов: дорожные ботинки были хороши для поезда, но не для размытой набережной. У правого чулка сбился шов. Я молча ненавидела его от мастерской до самого моста.

Матвей остановился возле перил.

— Вы натёрли ногу?

— Пока нет.

— На той стороне лавка. Можем подождать.

Я почти сказала, что не нуждаюсь в заботе. Он бы только озадачился. Вместо этого кивнула и на другой стороне поправила чулок, сев на низкую деревянную лавку. Тамара прислонилась к столбу. Её взгляд был всё время направлен вдоль улицы, куда нам предстояло идти.

— Там зелёная дверь, — сказала она. — У служебного входа. Я выходила из зелёной.

— В склад? — спросил Матвей.

— Я вышла наружу. Внутри склад был, за лестницей.

Он достал план.

— Покажете по пути.

На Соляной было шумно и тесно. Из речного переулка вытягивали баржу с мешками; лошадь переступала по колено в воде, возчик ругался на мальчишек, которые перебежали перед ней. В соляных лавках чистили деревянные лотки. У дверей висели весы, зачарованные на проверку гири: стоило снять груз, язычок ударял по медной оправе и замолкал.

Я оглянулась на лавочку с двумя маленькими помпами в окне. Хозяйственное снабжение. Сразу стала прикидывать, что можно купить дешевле, чем в Боровске. Потом вспомнила, зачем пришла, и отвернулась. Мысли о работе не выключались даже здесь.

За последним магазином начался высокий дощатый забор. Свежие доски ещё пахли смолой. На щите было написано: «Укрепление берега. Проход запрещён». Под текстом стояла городская печать и название подрядной конторы Береста.

Тамара подошла к калитке.

— Здесь окно было. Наше. Справа, если снизу смотреть.

Матвей вынул служебный жетон и прижал его к маленькой пластине на косяке. Засов ушёл в сторону.

Тамара толкнула калитку первой и остановилась, не переступив порог. Я едва не наткнулась на неё.

За забором лежал пустырь: штабеля кирпичей, куча битой штукатурки, жёлтые колышки по краям. В глубине уцелел кусок стены с трубой. Землю утоптали. У калитки валялись два окурка. Ни лестниц, ни окон, ни даже фундамента, который напоминал бы о трёхэтажном доме.

Тамара пошла в середину участка, ступила через лужу и повернулась к нам.

— Здесь кухня.

Она опустила голову, проверяя место под ногами. Потом сделала два шага вправо.

— Нет. Вот здесь. У Нины угол ближе к пристани.

Я посмотрела на план в руках Матвея. Дом занимал почти весь участок. Остаток стены оказался частью общего дворового сарая. Чтобы разобрать трёхэтажный каменный дом, нужно было вывезти гораздо больше кирпича.

— Обломки могли убрать, — сказала я, прежде чем он успел счесть меня знатоком строительства.

— Могли. Но основание осталось бы.

Матвей опустился на колено возле колышка, соскрёб налипшую землю. Под ней открылась плоская пластина с синей насечкой. Он не коснулся её пальцами. Достал из кармана деревянный футляр, тонкий инструмент с раздвоенным концом, прижал к краю.

— Это периметр хранения?

— Его внешняя часть.

Я присела рядом. Пластина слегка дрожала. На краях лежала сухая соль, хотя вокруг было мокро.

— Работает.

— Да.

— Значит, дом не разобрали.

— Я поэтому и привёл вас сюда.

— Почему тогда ей сказали, что разобрали?

Матвей посмотрел на Тамару. Она стояла спиной к нам, по-прежнему посреди своей кухни.

— Это придётся спросить у Палаты владений.

Он поднялся, вытер инструмент. Тамара повернулась на шорох.

— Я здесь спала. Лёва в комнате, у окна. Там ещё пол кривой, стул всё время качается. Вы ведь говорите, дом целый?

— Целый, — сказал Матвей. — Опорная рамка отводит к нему проход через другое место. Ваш участок отмечен как временно освобождённый. Отсюда войти сейчас нельзя.

— Снимите пластину.

— Если снять здесь, без внутреннего контура, проход может обрушиться.

— Тогда внутренний снимите.

Она говорила спокойно не потому, что верила ему. Тамара хотела понять, что именно нужно снять или открыть, чтобы вернуться домой.

Матвей разложил план на кирпичках.

— Внешний контур показывает участок. Внутренний держит вход к дому. Его надо найти. У вас были две лестницы?

— Парадная и дворовая. А внизу проход в соляной склад. Его закрыли ещё до моего найма, потом снова открыли. Там хлеб ставят. Лёнька приносит на этажи.

— Склад был частью дома?

— Нет. Через двор. Дверь между сараями.

Матвей провёл пальцем к соседнему участку.

— Складская рамка могла принять внутренний адрес. Пройдёмте.

Тамара осталась на месте. Я пообещала, что калитку при необходимости откроют снова. Она посмотрела на меня, потом на Матвея: уходить отсюда ей явно не хотелось. Он вписал её имя в служебную запись доступа и показал отметку. Тамара сама прочла строку и лишь тогда вышла.

Каменный склад тянулся вдоль улицы глухой стеной. Зелёную дверь мы нашли с торца; оттуда пахло солью и досками настила. Под фонарём седой мужчина шил сапог. При виде Матвея он отложил шило.

— Опять смотреть?

— Смотрим служебный проход. Вы здесь постоянно?

— До вечера. Ночью Савельич.

— Как вас зовут?

— Иван Трофимович. Сафронов. Где расписаться?

Матвей показал жетон, хотя Иван его уже знал, и назвал номер осмотра. Я подумала, что для протокола это полезно: инспектор не скрывал визит.

Тамара заглянула внутрь склада.

— Было здесь. Только справа. Ящики были.

Ящики за зелёной дверью были похожи на Тамарины, но проход шёл иначе. Справа его обрывала стена с запертой решёткой. Надпись «Подача служебная» обновили лишь сверху: нижняя часть старой таблички успела выцвести.

— Три дня назад, — сказала Тамара Ивану, — я отсюда выходила. Вы меня видели?

— Я всех не помню.

— Я стояла у двери. Без плаща. Мокрая.

— Мокрых здесь хватает.

Тамара отвернулась. Под широким плащом её плечи вдруг стали совсем узкими.

— А грузчик был? — спросила я. — С мешком. Работает здесь?

Иван потёр нить пальцами, подбирая конец.

— Здесь четверо работают. Кого искать?

— Кто подавал хлеб на внутренний проход три дня назад?

Старик поднял глаза.

— Я хлебом не заведу. Нам соль. подача отдельно. У неё книга отдельно, люди отдельно. Я туда даже воду не выливаю, потом скажут — кто разлил.

— Книга у кого? — спросил Матвей.

— У распорядителя. Завтра будет.

— Сегодня где?

— В конторе, должно быть. Только контора не моя.

Матвей записал имя распорядителя, а я осмотрела решётку. Замок был новый, но в железном косяке под ним остались круглые отверстия от старой розетки. Расстояние между ними напоминало крепление Тамариной ручки. Я достала линейку и измерила его.

— Не хватайтесь, — сказал Иван. — Они на это строгие.

— Я не хватаюсь.

— Вот и хорошо.

Матвей попросил Ивана перейти к зелёной двери и освободить площадку. Старик уже набрал воздуха для возражений, но заметил свою фамилию в акте. Молча подхватил сапог и отошёл.

Служебный жетон не открыл решётку. Пластина на косяке засветилась голубым, потом побелела. Матвей сразу убрал руку.

— Здесь допуск Палаты владений. Мой осмотр её не открывает.

— У вас нет другого?

— Нет.

Тамара стояла почти вплотную к решётке. Она смотрела внутрь, где в полумраке различалась ещё одна дверь, деревянная. На ней было светлое прямоугольное пятно.

— Рыба, — сказала она.

Я подошла сбоку.

— Где?

— Там. Под номером. Я вам говорила. Нина соскребла бумажную рыбу, а клей остался. Это наша дверь.

За решёткой стояла дверь квартиры. Узкая, с облупленным нижним краем и маленькой щелью под порогом. На ней не было ручки с нашей стороны. Над пятном висел номер шесть.

Я оглянулась: всё тот же склад, каменные стены и ящики на настилах. От Соляной, девятнадцать, мы ушли больше чем на сотню шагов. Тамарина квартирная дверь между ящиками от этого никуда не исчезла.

Матвей уже измерял косяк. Мы вместе увидели дверь, а он мог спокойно заниматься линейкой — это меня взбесило. Потом я сообразила, что и сама не умею здесь ничего полезнее.

Тамара ударила по решётке монетой. Дважды, один раз. Звук разошёлся по складу, отозвался в пустых ящиках.

Деревянная дверь осталась неподвижной.

— Лёва! — позвала она.

Иван высунулся из-за зелёной двери. Матвей поднял ладонь, не давая ему заговорить.

Тамара ударила ещё раз. Я тронула её локоть.

— Здесь не связанный звонок. Металл просто звенит.

— А если он там?

— Сначала откроем решётку.

Мне самой не понравилось это «сначала». На него можно было списать ещё три дня ожидания. Тамара убрала монету, но от решётки не отошла.

Матвей наложил угольную бумагу на внешнюю пластину, а я придержала лист за углы. Наши пальцы всё время мешали друг другу. Он отодвинул руку, давая мне прижать бумагу ладонью.

— Это надо было знать раньше, — сказала я негромко.

— Что именно?

— Что дом целый и дверь может оказаться в складе. Тогда она не бегала бы три дня с ручкой.

Он снял копию. Несколько секунд молчал.

— Согласен.

Я ждала объяснения. Матвей убрал лист и встал.

— Иван Трофимович, у вас есть журнал приёма? Сюда запишем обращение и то, что обнаружено. Тамара Ильинична получит копию. Я также направлю требование сохранить все книги подачи за последние четыре недели.

Иван принёс журнал с засаленным корешком. Между страницами лежала корка хлеба в газете. Матвей отодвинул её и записал всё, что мы увидели. Перед номером квартиры он не поставил «предположительно». Я заметила это, прежде чем расписалась.

Я увидела, как старик перечитал нашу запись. На словах «голос жильца» он остановился.

— А что, люди там?

Тамара посмотрела на него. Он отвёл глаза.

— Нам сказали, подают для работ. Я не видел.

— Теперь знаете, — ответила она.

Иван кивнул и старательно завернул хлеб. Когда мы уходили, сапог так и лежал без дела. Старик стоял возле решётки, ухватившись за край жилета.

Матвей отправился в Палату, а нас проводил обратно до моста. Перед расставанием дал Тамаре адрес человека, у которого можно получить дополнительную копию заявления. Я записала себе тот же адрес.

— Сегодня проход откроют? — спросила она.

— Я не могу обещать.

Тамара молча ушла вперёд, а я задержалась возле перил.

— Если ваше ведомство имеет право проверить, почему не открыли сейчас?

— Потому что я не могу снять ограничение, которое ставил другой распорядитель. Могу потребовать основание. Если основания нет, обратиться за отдельным доступом. Решётку

можно сломать ломом. До внутренней двери так не добраться: рамка закроет подход при нарушении внешней опоры.

— И сколько?

— Требование срочное. Если не исполнят до завтра, у меня будет повод для принудительного осмотра.

Я смотрела, как под мостом уходит обрывок мешковины. Зацепился за опору, вытянулся, сорвался.

— Она до завтра не выдержит.

— Выдержит, если будет знать, что мы делаем. Сегодня мы нашли дверь. Я дам ей точное время следующего действия.

Его спокойствие всё ещё раздражало меня. Но он хотя бы не уговаривал Тамару успокоиться. Я потребовала назвать время следующего осмотра и записала: девять утра.

— Тогда я приду с ней.

— Приходите. Оттиск пока не выбрасывайте.

— Я ничего не выбрасываю до конца ремонта.

Он кивнул с таким видом, будто наконец услышал от меня что-то совсем бесспорное, и пошёл вдоль протоки.

В мастерской Феня ждала нас у окна. Ручка за время нашего отсутствия стучала дважды: сначала один удар, потом три. Феня записала время на обороте квитанции и ответила, как мы показывали. Тамара перечитала запись, сняла плащ и положила его сушиться возле печи.

— Я к старшей схожу, — сказала она. — В лечебницу. Скажу, завтра утром не смогу.

— Вернётесь сюда?

— Можно?

Я кивнула. Феня достала из-под стола её монеты.

— Вам на дорогу. Тут вы пока ничего не покупали.

Тамара взяла девяносто копеек. Когда она ушла, Феня долго смотрела на дверь.

— Его вытащат?

— Будем пробовать.

— Вы говорите как Рудин.

— Значит, научилась.

— Агата Павловна сказала бы, что все кругом безрукие.

Я надела фартук и завязала тесёмки. На карманном шве засохла капля клея. Теперь надо было собрать документы, подать заявление на допуск, дозвониться Бекетову. Чинить вещи сегодня оказалось гораздо проще, чем получить право их чинить.

На столе стояла чужая ручка. За окном, через улицу, женщина вынесла из пекарни металлический противень и ударила по нему половником. У пекарни собрались трое рабочих. Феня выглянула и втянула голову обратно.

— Лосева. Теперь ругаться придёт.

Я посмотрела на ящик с надписью «НЕ ТРОГАТЬ» и сняла его со стены.

Глава 5

Хлебный жар

Марфа Лосева ухитрилась войти, не позвонив: подняла язычок колокольчика рукой и отпустила, только протиснувшись в мастерскую.

— Чтобы не будить, — объяснила она. — Агата после обеда дремала. Вы племянница?

— Вера.

— Марфа. Про смерть мне сказали. Примите. Я не пришла раньше, у меня печь встала. Вот это моё.

Она положила ладонь на ящик. Ладонь была красная, со следом недавнего ожога на костяшке. Я посмотрела на её противень, оставленный возле порога.

— Печь совсем не работает?

— Греет. То как июль, то как февраль. Четыре партии испортила. Вы мне отдайте, я сама поставлю. Там два зажима и всё.

— Я проверю сначала.

— Агата проверила.

— Подписи об испытании нет.

Марфа устало прижала пальцами переносицу.

— Я принесла деньги. Все. С долгом. На крышке сумму написали, я вижу.

Я открыла ящик. Внутри лежал регулятор печного жара — тяжёлый, чугунный, с медной накладкой. Ниже тёткиной отметки «НЕ ТРОГАТЬ» действительно стояло: «За заслонку 1,80. За блок 3,20». Феня спрятала улыбку, повернувшись к шкафу.

— Пять рублей, — сказала Марфа. — Больше не выходит. Я считала.

— За заслонку — предыдущий заказ?

— Да. У меня муку задержали, я просила подождать. Она сказала, ждёт. А потом этот ящик не отдала. Сказала, ещё подождёт.

Я поняла, от кого Феня усвоила осторожную насмешку в голосе.

— Деньги получите по квитанции, — сказала я. — Но блок сегодня надо проверить. Если он работает, отдаю. Взять плату за новый ремонт я пока не могу, у меня нет допуска.

— Его что, каждый раз брать?

— У меня отдельный. Наследство здесь ни при чём.

Марфа посмотрела на фартук, на мои шупы, на раскрытый корпус.

— Ладно. Я через час зайду. Только не уходите.

Она уже выходила, когда Феня окликнула её:

— Марфа Сергеевна, хлеба оставьте.

— Вы опять с утра без еды?

— Каша была.

Марфа пообещала принести и ушла. Колокольчик теперь звякнул: она забыла поднять язычок.

Регулятор оказался на удивление тяжёлым. Мы вдвоём поставили его на испытательный кирпич, и я сняла медную накладку. Агата успела заменить ходовую пружину, расчистить канавки и сделать новый ограничитель; серебряную жилку поставила ровно ту, что значилась в расходах. На малом жаре пластина открылась на три черты и осталась в этом положении.

— Работает, — сказала Феня.

— При полной загрузке смотрели?

— Она не успела. Последний день её врач увёл. Она потом вернулась уже вечером.

Я поставила регулятор в маленькую испытательную печку и постепенно подняла жар. Стрелка меры дошла до шестой черты. Ограничитель дрогнул, выбрал нужный зазор. Ещё немного — и тонкая заслонка закрылась полностью.

Так закрываться она не должна была. Я убрала питание и дала пластине остыть.

— В сборке ничего не перекосили?

Феня покачала головой.

С пружиной, канавками и длиной жилки всё было в порядке. Тогда я повернула корпус и добралась до старой опорной шайбы. От жара она расширялась быстрее новой пружины. Вот оно: «шайбу после пробы», мелко внизу тёткиной записи. Отметки о замене не было, а я с первого раза приняла строку за расход материала.

— Держатели есть на малом станке? — спросила я.

— Один есть. Второй у Носова.

— Далеко?

— Через два двора.

Феня побежала за держателем. Я подобрала для шайбы сплав, который меньше расширялся от жара, и занялась станком. Если он не будет заедать, замена займёт немного времени. В направляющей засох комок воска; пока вычищала его, нашла возле ножки тёткины очки. Дужка погнулась, стекло уцелело.

Я положила очки на верхнюю полку и постаралась больше не смотреть туда.

Через семь минут Феня вернулась с держателем и мальчишкой лет шестнадцати. Тот держал второй в кармане и не торопился отдавать.

— Я насечку заканчиваю. Можно до вечера?

— Можно было спросить, — сказала Феня.

— Агата Павловна разрешила.

— Она в июле разрешила.

Я протянула руку. Мальчишка отдал держатель. На подошве у него была налипшая древесная стружка. Одежда пахла лаком.

— Как звать?

— Петя. Носов.

— Поставим сюда, а твою насечку закончишь после нас. Деталь принёс?

Он молча достал деревянный корпус и показал. Петельный ограничитель для шкафчика. Кривоватый, но работоспособный. Я закрепила его сбоку, чтобы не упал.

Петя смотрел мне через плечо. Феня отгоняла его от станка, он отступал на шаг и тут же возвращался. Обычно от такого внимания у меня всё валилось из рук, но сейчас работа шла. Здесь я знала и материал, и механизм, и что стоит на другом конце жилки. Пока там была всего лишь печь.

Я сняла с новой шайбы заусенцы, дождалась, пока она остынет, и собрала корпус. Малый жар регулятор выдержал. Но стоило дойти до шестой черты, как заслонка снова поползла вниз. Медленнее прежнего — и всё равно слишком далеко.

Я выругалась.

Феня не стала ничего говорить. Петя вытянул шею. Я указала ему на свой шкафчик:

— Заканчивай. Мы ещё долго.

Он занялся станком, а я снова разобрала регулятор, уже не пытаюсь угадать причину по одному движению. Прогрела опору и пружину по отдельности, записала показания. Новая пружина при той же длине изгибалась иначе. Агата, вероятно, собиралась подогнать и её. Два числа на обороте квитанции наконец приобрели смысл.

— Ещё четверть часа, — сказала я Фене.

— Марфе так и скажете?

— Нет. Ей скажу, когда проверю.

Марфа вернулась до назначенного часа, с буханкой и бутылкой молока. Увидела разобранный регулятор и положила хлеб без единого слова. Лучше бы поругалась.

— У меня рабочие ждут. Они дров не подкидывают, пока я не велю. Тесто поднимается второй раз.

— Можно пока печь держать вручную?

— Можно. Только у меня две руки.

— Я знаю.

Марфа села, не снимая пальто. Пока я выправляла пружину, она пилила буханку складным ножом. Свежий мякиш сминался, ломти выходили толстые. Феня принесла хлебный нож и заодно открыла молоко.

Третье испытание регулятор выдержал, но я провела ещё два. Каждый раз дождалась полного остывания и снова поднимала жар до рабочего. В последней пробе нагрузку переключала Феня. Я стояла рядом и следила за мерой, уже не доверяя своему желанию поскорее закончить.

Марфа ела хлеб, не замечая. Уронила несколько крошек на пальто, стряхнула на пол.

— Ну?

— Готов. Накладку ставлю, и можно нести. Только испытание на вашей печи ещё нужно.

— Сразу идём?

— Сразу.

Петя закончил шкафчик вовремя, помог перенести тяжёлый регулятор и остался у дверей пекарни. Внутри от жара и влажного теста перехватывало дыхание. Рабочий с длинной лопатой пропустил нас к заслонке. Старая опора уже дрожала на винтах.

Я приготовилась снимать жар, но Марфа остановила меня:

— Внизу коржики. Подождите, вытащу.

Она открыла нижнюю дверцу. На противне лежали двенадцать маленьких кругов, половина уже темнела по краям. Марфа вынула их, посмотрела и поставила на подоконник. Ни одного не выбросила.

Петя попросил один. Она отдала самый тёмный.

Мы с рабочим установили блок. Я измерила ход, затянула винты и трижды попросила медленно прибавить жар. В первый раз он повернул слишком резко, и мне пришлось убрать руку с ограничителя, чтобы не обжечь пальцы.

— Поворачивайте, когда скажу, — велела я.

Рабочий посмотрел на Марфу. Она кивнула, и дальше он слушался.

На Марфиной печи регулятор держался лучше, и я не торопилась радоваться. Бывало, деталь проходила пробу лишь потому, что ей случайно подходили условия. Убрала дополнительный подогрев, дождалась, когда жар спадёт, и подняла снова. Пластина ходила ровно в обе стороны.

Марфа посмотрела на меру, на меня, на хлебный нож в кармане.

— Сейчас другую партию ставим. Вы посидите.

Я осталась. Феня унесла инструменты и вернулась с квитанцией; тем временем вышли первые булки с целым, не подгоревшим дном. Марфа отсчитала пять рублей. Я внесла их в наследственную кассу, а свою доделку записала отдельно, пока без цены. Как получить за неё плату, ещё предстояло выяснить.

— Вам ведь тоже есть надо, — сказала Марфа, прочитав запись.

— Я сегодня поела. Спасибо.

— Завтра опять понадобится.

Она дала нам две булки и велела забрать молоко. Бутылку я вернула вымытой. Чужая посуда имеет свойство задерживаться в мастерских надолго, я это знала.

Когда мы вошли обратно, у верстака стоял незнакомец.

Феня остановилась первой.

— Вы как вошли?

— Дверь открыта была.

Я проверила нижний замок: засов не попал в паз. Уходя с тяжёлым регулятором, я не дождала дверь. Феня тронула ключ у себя на шее, будто запирать должна была только она. Виноваты мы были обе; незнакомец тем временем стоял возле защитной коробки.

— Отойдите от стола, пожалуйста.

Он отступил сразу. На вид — конторский служащий, гладко выбритый, в серой шляпе. Воротничок чистый, ботинки сухие. Через Соляную сегодня он точно не ходил.

— Я от закупочной конторы. У вас должна быть латунная розетка с воротной жилкой. Хозяйка сегодня принесла.

— Какая хозяйка?

— Волкова. Мы разыскиваем списанные детали. Чтобы они не попали в неумелые руки.

Я сняла фартук, повесила на крюк и прошла между незнакомцем и дверью. Теперь, чтобы выйти или снова подобраться к верстаку, ему пришлось бы обойти меня.

— Название конторы?

— «Береговое снабжение». Сорок рублей предложим за деталь. Госпожа Волкова получит новую дверную фурнитуру и возмещение. Вот письмо.

Я прочла письмо. Ни слова о Тамаре, ни номера её ручки. Только общее разрешение скупать списанные металлические детали по договорной цене, директорская подпись и круглая печать.

— И какая именно вам нужна?

Он улыбнулся, впервые.

— Вы же поняли.

Феня придвинула коробку к стене. Я заметила это краем глаза и не обернулась.

— Нет. Если искать списанные детали, их здесь целый ящик. За сорок рублей отдам с удовольствием.

— Мне нужна эта. Из дома девятнадцать. На неё есть предписание.

— Предписание покажите.

Он снова протянул письмо. Я покачала головой.

— На конкретную вещь. И с указанием, кто её списал.

Улыбка исчезла.

— Вам, возможно, ещё не объяснили местные правила. У вас новое наследство, счета, разрешения. Не стоит усложнять получение допуска из-за неисправной железки.

— Тогда принесите правильную бумагу. Так будет проще нам обоим.

Я открыла дверь. Незнакомец не двинулся.

— Сорок рублей. Сейчас. Не думаю, что ваша родственница оставила вам много наличных.

Он сказал это буднично, словно сделал мне удобную скидку. Я опять посмотрела на сухие ботинки. Соляную он обошёл, у двери с чужим ребёнком не стоял. Может, и вправду считал, что речь идёт о покупке металла. Так ему было удобнее.

— Вам передали отказ. Как записать ваше имя?

— Александр Зуев.

Он достал карточку, положил на ближайшую полку. Я не взяла её, пока он не вышел. Феня заперла за ним дверь и проверила засов обеими руками.

Я переписала с карточки номер закупочного отдела. Сорок рублей злили сильнее угрозы: я уже успела прикинуть, сколько долгов ими закрыла бы. Уголь, задаток лечебницы, материалы — на многое хватило бы. Зуев хорошо выбрал сумму.

Феня поставила на стол чайник.

— Надо Рудину сказать.

— Скажем.

— Он эту контору знает. У них с Берестом общий двор. Я соль там получала. Я посмотрела на неё.

— Когда?

— Агата заказывала. Летом. Дешевле было, чем у Левина. Только соль сырая. Она больше не стала брать.

Я записала и это, отдельно от Зуева, и обвела оба имени.

Тамара вернулась уже в темноте с маленьким свёртком белья из лечебницы. Старшая отпустила её до завтрашнего обеда. Кровать осталась Тамаре, а Феня отвела меня за сушильный шкаф и показала старый диван.

Перед сном я ещё раз проверила ручку. Заряд держался у нижней отметки; до утра на несколько стуков его должно было хватить. Я объяснила, почему пока нельзя досыпать свежую соль: сначала надо проверить чужую насечку, иначе вместе со звонком сработает воротная часть. Тамара выслушала и спросила только, где лечь, чтобы не пропустить стук.

Мы перенесли коробку наверх, поставили на стул возле кровати. Я записала время и остаточную ёмкость. Тамара легла в выданном лечебничном халате, подоткнула одеяло под ноги. Я уже спускалась, когда она позвала меня.

— Вера. За ручку сколько-то платить надо?

— Потом разберёмся.

— Нет, вы скажите. Я работаю. Только сейчас денег мало.

Я присела на лестничную ступеньку, подумала.

— За материал заплатите, когда сможете. Осмотр и связь я сегодня учусь делать, это в счёт не пойдёт. Пока ничего покупать не нужно.

Тамара кивнула. Так она могла принять помощь.

Я повернула продавленный край дивана к стене и постелила пальто на тонкую подстилку. До сна оставались касса и письмо Зуева: записала пять рублей, убрала бумагу рядом. Через улицу ещё гремели противнями. Наши булки остыли; одну я завернула Тамаре, вторую разломила и половину отложила на утро.

Глава 6

Обратный адрес

Под окном со скрежетом тащили железную бочку. Я проснулась, съехав на продавленном диване к стене, и попробовала повернуть голову. Влево шея не шла. В мастерской пахло остывшим хлебом и вчерашним жаром; вставать совсем не хотелось.

Тамара уже ждала внизу перед коробкой с ручкой. На холодной лестнице она замёрзла и теперь куталась в мой запасной фартук.

— Стучал? — спросила я.

— Ночью два раза. Я ответила. Утром ничего.

Мера показывала меньше четверти деления. Этого могло не хватить даже на условленный стук. Я посмотрела на часы, потом на дверь: до девяти оставалось полтора часа.

— Надо дожидаться Рудина. Я соль приготовлю.

Тамара ничего не сказала. Следила, как я достаю чистую чашку, отмеряю крупинки, устанавливаю их в пустую опору. Вчера каждая минута давалась ей с трудом. Сегодня она уже знала, что можно делать, а чего нельзя, и от этого ожидание стало тяжелее.

Матвей пришёл в восемь. Я только успела вскипятить воду. Феня пробралась следом за ним, без жакета: оставила его вчера здесь, а утром, видимо, решила, что без него быстрее.

— Доступ дали? — спросила Тамара.

Матвей положил на стол документ с полосатым краем.

— На осмотр внешней служебной рамки. В девять распорядитель обязан присутствовать. Выдачу жилого прохода пока приостановили до сверки акта.

Тамара стала читать. Феня привела Матвея к печке и молча указала на свободный стул. Он снял пальто.

— На ручке почти нет заряда, — сказала я. — Надо отделить звуковую часть и заменить соль. Если оставить общую жилку, может включиться воротная.

— Оттиск сохранился?

Я подала ему воск и вчерашний рисунок. Следом письмо Зуева. Он прочёл, поднял глаза.

— Во сколько приходил?

— Между пятью и шестью. Дверь оказалась неплотно закрыта. Больше не будет.

— Имя?

— Александр Зуев. На карточке.

Матвей переписал сведения. Письмо вернул мне.

— Эту вещь не списывали. Сохраняйте письмо, оно подтверждает, что пытались получить. Номер ручки он называл?

— Только дом. Он знал, что Тамара принесла её сегодня. То есть вчера.

— Вчера я направлял акт в Палату владений. Он мог узнать там. Пока не будем думать, что за вами следили от склада.

Я была благодарна ему за это «пока». Ночь на диване я провела, прислушиваясь к шагам снаружи, и успела придумать достаточно.

Мы сняли остаточный заряд на пустую солевую чашку. Ручка замолчала. Тамара отвернулась к печке, только после этого я разрешила старую связку. Две жилки разошлись с сухим щелчком. На новой бумаге я обвела их отдельными цветами.

Матвей перевернул воротную жилку. На нижней стороне нашлась вторая насечка, закрытая клеем. Рядом — маленький заводской номер. Без увеличения я приняла его за царяпину, а теперь увидела буквы и две цифры.

— Вот так, — сказал он, показывая под лампой. — Это рабочий адрес подачи. Рисунок снаружи привязывает её к дому, а эта часть возвращает на рамку. Не номер участка. Номер пути.

— Он один на весь дом?

— Может быть на несколько. Зависит от грузовой линии.

Я осторожно очистила клей. Он удерживал не крышку, а саму жилку, причём поверх старой опоры. Для временного крепления допустимо, для постоянного — нет.

— Они привязали квартирную дверь как складскую.

— Похоже.

— С живыми людьми.

Матвей положил инструмент.

— Вера. Я слышал Нину. Не нужно меня убеждать.

Он сказал это резче обычного. Тамара повернулась от печки. Матвей заметил и отвёл от стола острый нож, чтобы она не задела рукой.

— Простите. Здесь надо работать медленно. Даже если ждать невозможно.

Я выпрямила затёкшую шею. Он подложил под лампу книгу, свет поднялся выше. Теперь мне не приходилось сгибаться.

Я объясняла Фене каждый шаг, а она записывала время. Воротную жилку мы отделили, уложили в стеклянную трубку и закрыли деревянными пробками с обоих концов. Звонковой досталась новая опора. На ней я надеялась сэкономить серебро, но старый конец крошился под щупом: пришлось укоротить его почти на два пальца.

— Я бы оставил хвост длиннее, — сказал Матвей.

— Крошится. Посмотрите.

Я показала край. Он взял щуп, коснулся и кивнул.

— Да. Тогда двойной держатель.

Подходящего двойного держателя не нашлось, и я согнула его из медной ленты. Матвей дал мне маленькие плоскогубцы: моими широкими захватами я бы помяла металл. Феня сразу спросила, где такие продают. Он назвал лавку у третьего шлюза и предупредил о цене.

— Значит, смотреть можно, — решила она.

Тамара выпила чай. Потом помыла все кружки. Не мешала, но каждые несколько минут подходила посмотреть. Я показывала ей готовую часть, даже когда показать можно было только чистую насечку вместо грязной.

Проверку звукового витка мы провели на пустой пластине. Потом подсоединили ручку, дали четверть заряда, выждали. Латунь согрелась до температуры ладони. Никакого движения во второй жилке не было: она лежала под стеклом, отдельно.

Я передала монету Тамаре, и она постучала.

На этот раз Лёва ответил сразу, ещё до последнего удара. Торопливо, слишком часто. Тамара улыбнулась, и только тогда я поняла, что до сих пор не видела её улыбки.

— Он спешит. Я учила не спешить, когда считает. Всё равно.

Я убрала контакт от открытого края, оставила в коробке маленький зазор для звука. Ручку можно было держать в руках. Тамара осторожно взяла её, приложила к щеке.

— Голос потом? — спросила она.

— Потом. Теперь нужен отдельный усилитель. Старый звонок мы сохранили, это главное. Матвей накрыл рисунок чистым листом.

— Нам пора.

На Соляной распорядитель действительно ждал. Его звали Глеб Акимович Чернов. Он был моложе Ивана и одет лучше, но с той же привычкой держать ладонь на животе перед ответом.

Иван сидел с сапогом, почти законченным. Когда увидел Тамару, встал и подвинул ей стул. Она не села.

Чернов прочёл документ, посмотрел на печать, открыл решётку. Деревянная дверь с номером шесть теперь была закрыта металлической шторой. На шторке висела пломба.

— Она вчера была открыта, — сказала я.

— Вчера режим выдачи. Сегодня режим сверки.

— Кто изменил?

— По распоряжению Палаты владений.

Матвей потребовал копию. Чернов вынул её из папки, словно заранее знал, что спросят. Дата стояла вчерашняя. На документе числилось: «Временное хранение пустующего жилого строения». Ни слова о доставке еды.

— Где акт эвакуации? — спросил Матвей.

— В Палате.

— Это ваше помещение. По правилам подачи копия акта должна быть здесь.

После паузы Чернов полез в другую папку и вытащил из накладных тонкий лист. Матвей прочёл его первым. Я искала Тамарину фамилию, но её не было; возле квартиры шесть стояло «освобождена». Под списком округлились три одинаково старательные подписи. Чьи — я не знала.

Тамара прочла через моё плечо.

— Я не освобождала.

— Ваш найм мог закончиться, — сказал Чернов.

— Он заканчивается в ноябре. Я вперёд платила.

Матвей записал её слова в акт осмотра. Чернов перестал смотреть на нас, уставился на пломбу. У него был бледный участок кожи под воротником, будто воротник только что поправили после крепкого захвата.

— Если дом пустой, зачем подавали хлеб? — спросила я.

— Работникам. Сказал уже.

— Мы слышали жильцов.

— Я никого не слышал.

Иван кашлянул у входа. Чернов глянул на него так быстро, что старик снова сел.

Матвей измерял внешнюю рамку. На внутренних держателях осталось несколько рабочих насечек. Одну он сравнил с моим рисунком и кивнул. Я тоже увидела совпадение.

Из дома шёл действующий обратный адрес. Его можно было связать с ручкой, если восстановить первичную опору. Но сейчас этот адрес официально считался грузовым.

— Пустой дом едой кормить нельзя, — сказала Тамара.

Никто не нашёл что ответить.

Матвей переписал номера пломб и потребовал не менять их до следующего осмотра, получил подпись Чернова. Я видела, как он надавил на перо: на бумаге осталась клякса.

Обратно мы шли вдвоём с Тамарой. Матвей остался оформлять требование в Палату. До обеда Тамаре надо было добраться в лечебницу. Она остановилась у своего дома за забором, посмотрела на калитку и сказала, что вечером вернётся.

— Ручку можно с собой?

— Можно. Но в коробке. У неё теперь опора открыта.

Я отдала ей коробку. За один день вещь успела стать её единственным надёжным способом добраться до сына. Удерживать её в мастерской значило бы заставить Тамару сидеть здесь до конца ремонта.

Матвей пришёл ближе к двум. Принёс заверенные копии осмотра и схему первичной дверной привязки.

— Для восстановления законного жилого адреса нужны три подтверждения, — сказал он.
— Первичный акт, рабочий материальный образец и показание зарегистрированного жильца. Последнее есть. Образец — ваша ручка, если номер прежней опоры найдём. Первичного акта пока нет.

— Тамарина выписка?

— Копия текущей домовой книги. Её уже изменили. Нужен документ, который оформляли при первой привязке квартиры: от собственника или его нотариуса. Служебная схема сама себя подтвердить не может.

Я положила на стол чёрную тетрадь. Матвей перелистнул сохранившиеся записи.

— «Копии оставить отдельно», — прочёл он. — Она знала.

— Возможно, у Бекетова есть.

— Узнайте. Я не могу подавать за вас запрос на документы наследодателя. Зато могу приложить номер осмотра, чтобы он не затянул выдачу.

Я взяла свой экземпляр акта. Феня сидела у окна и подшивала новый держатель в коробку. На словах о Бекетове она подняла голову.

— Я пойду, — сказала она. — Вам работу надо заканчивать.

— Пойдём вместе.

Она хотела возразить, но я уже складывала документы. Матвей проверил их порядок, указал, где поставить номер наследственного дела. Его палец остановился на моём свидетельстве из Боровска.

— Сегодня отправил вашу заявку на временный бытовой допуск. Решение к вечеру. Если разрешат, получать будете у дежурного. Практическое испытание — через неделю.

— Быстро.

— Пекарский блок вы вчера передали без запуска новых чар. Я это подтверждаю. Но дальше лучше работать по своему документу.

— Вам Лосева рассказала?

— Она спросила, можно ли вас приглашать, если опять заест. Считает, что я обязан знать.

Я рассмеялась, и Матвей тоже улыбнулся, хотя вид у него был усталый. Расспрашивать, справлюсь ли я на испытании, он не стал. Прочёл подтверждённый стаж, положил папку передо мной и подождал, что я решу.

Я взяла документы, Феня надела свой наконец высохший жакет. Мы заперли мастерскую и пошли к нотариусу.

Глава 7

Чистое бельё

В конторе Бекетова пахло свежей бумагой, а грязь с посетителей собирали ещё на входе: сперва железная решётка, потом войлочный коврик. «Мокрые зонты в приёмную не вносить», — предупреждала стена. Зонтов у нас не было. В углу стояли пять тростей, каждая сама по себе.

Мы с Феней дождались очереди. Казимир Иванович поднял глаза от стола, узнал меня и убрал из-под локтя раскрытое наследственное дело.

— Осмотр провели?

— Начали. Мне нужны остальные бумаги Агаты Павловны.

Я положила чёрную тетрадь. Он перевернул её, осмотрел корешок.

— Всё найденное передано.

— Здесь нет двух листов.

— Мне поступила именно такая тетрадь.

— От кого?

Бекетов поправил очки.

— Из мастерской. При первоначальном осмотре. До вашего приезда.

Он достал ведомость, показал номер и подпись человека, который её составлял. Феня перегнулась через стол, но я придержала тетрадь, чтобы она не коснулась чернил.

— Из отдельного ящика? — спросила она.

— В ведомости место не указано.

— Там ящик с бумагами был. Под шкафом. Агата Павловна его всегда закрывала.

Бекетов ещё раз прочёл список. Рядом с тетрадью стояла отметка «личные записи, без имущественных распоряжений».

— Если обнаружатся другие документы, их включают дополнительно. Вы на месте можете проверить.

Я попросила копию ведомости. Казимир Иванович велел секретарю переписать и заверить, а сам спросил, что именно мы ищем. Я рассказала о ручке и доме, дала номер осмотра Рудина. Он внимательно прочёл, остановился на словах о живом голосе.

— У вас предмет от Волковой?

— Да. По акту он остаётся у неё. Сейчас она в лечебнице, взяла с собой.

— Это правильно, — сказал он. — Вы могли бы его оставить без ведома хозяйки, а потом пришлось бы объяснять владение.

Меня начинало раздражать, что все вокруг могли сообщить мне, что правильно, кроме способа открыть дверь. Я указала на номер С-19.

— Агата писала про отдельные копии. У вас на хранении что-нибудь было?

— Нет. Последний пакет она передала весной. Содержал завещание и опись оборудования. Завещание исполнено.

— Первичный акт квартиры шесть вы можете запросить?

— Могу. Но если недвижимость городского фонда, первичная привязка хранится в Палате владений и в архивной книге при речном округе. По заявлению нанимателя выдаётся копия.

— Тамара уже подала заявление. Ей ответили, что дома нет.

Бекетов снял очки, протёр стекло.

— Тогда подайте письменный запрос на архивную книгу. Отказ должны выдать письменно, с основанием. Возьмите его.

Бекетов отвечал обстоятельно и время от времени сверялся с актом. По его лицу было видно, что прочитанному он и сам не слишком верит. На мою просьбу составить запрос согласился без разговоров, денег не взял: раз Агата работала с опорой, проверку можно включить в наследственное дело. Я сложила готовый лист и убрала в сумку.

Пока секретарь готовил копию ведомости, Феня вышла в коридор. Бекетов подождал, когда дверь закроется.

— У неё могут остаться вещи вашей тётки. Не обязательно ценное. Личные записки, мелкие инструменты. Я советую не начинать с обвинений.

— Я и не собираюсь.

— Девушка с ней последние годы каждый день. Всё, что прежде было привычным, теперь будут описывать и делить. Вы посторонней не являетесь, но приехали недавно.

Мне захотелось спросить, кто решил поделить бумаги прежде, чем я приехала. Вместо этого я посмотрела на подпись в ведомости. Осмотр проводил штатный описчик наследств; подпись Бекетова стояла ниже, напротив получения пакета.

— Почему вы мне это говорите?

Он надел очки.

— Агата просила учесть оплату её работы. Я не сумел её найти до вашего приезда. Вы рассчитались?

— Да.

Бекетов записал сумму. Видимо, это и было всё, что он собирался спросить. Я забрала запрос и вышла.

Феня ждала у коврика. Держала шапку в руках, переворачивала мех внутрь, хотя на улице было достаточно тепло.

— Что он сказал?

— Проверить все ящики. И не обвинять тебя в краже тёткиных ложек.

— Я одну взяла, — сразу сказала она. — Маленькую. Она разрешила, у нас мерка потерялась.

— Значит, одну ложку искать не будем.

Она разгладила шапку и надела. Я заметила, что большие ключи она сегодня спрятала под ворот.

В архивной приёмной запрос приняли. Женщина за стеклом прочла адрес, посмотрела в короткую справочную книгу и стала заполнять отдельный бланк. Ответ обещали через три рабочих дня.

Я попросила срочно: в доме люди, у меня номер акта. Она переписала номер, но срок не изменила.

— На внутренней отметке уже есть спор. Пока его не разрешат, архивную копию могут не выдать.

— Так спор как раз без копии не разрешить.

— Я ваше замечание внесу.

Я дождалась, пока она внесёт запись, и только тогда вышла. На улице остановилась, не в силах сразу двинуться дальше. Феня молчала рядом и носком ботинка ковыряла трещину в плитке.

— У меня есть знакомая в лечебничной бельевой, — сказала она наконец. — Агата баки чинила, я оттуда бумагу забирала. Для адреса можно спросить. Они же вещи на дом отправляют.

— Какую бумагу?

— Обёртки. Старые накладные. С другой стороны чисто, она на них считала.

Я посмотрела на Феню.

— Покажешь?

Она кивнула. Мы пошли в лечебницу.

У входа пахло карболкой. В палисаднике сушились деревянные рамы от кроватей. Рабочий соскребал с них старую краску, ворон сел на ограду и с интересом ждал, когда упадёт что-нибудь съедобное. Феня повела меня через боковые ворота, мимо котельной, вниз к дверям бельевой.

Тамара стояла возле большого мокрого стола. В рукавах лечебничного халата руки казались ещё тоньше. Она разнимала слипшиеся простыни, считала, перекладывала в разные корзины. Коробка с ручкой стояла на верхней полке, рядом с чашкой.

Когда Тамара увидела нас, её лицо сразу изменилось.

— Открыли?

— Нет. Пришли спросить про старые документы.

Она опустила простыню в корзину. Вода сбежала по пальцам, закапала на плитку.

— У нас тут всё есть. Только старшая выдаёт.

Феня пошла за старшей. Я осталась у стола. Тамара вытерла ладони о полотенце, показала стопку накладных на стене.

— Доставка на дом. Больным. Нина брала бельё, когда её выписали. Раз в неделю меняли, три месяца. По нашему адресу.

— Оригиналы сохранились?

— Должны. Мне работать надо, а вы смотрите. Она разрешит.

Тамара дала мне сухие наволочки. По краям синими нитками были вышиты номера, и складывать требовалось так, чтобы они оставались снаружи. С первой я напутала. Тамара терпеливо показала ещё раз, и дальше мои руки наконец нашли себе понятную работу.

Старшая оказалась полной женщиной лет сорока пяти с густыми бровями и маленькими золотыми серьгами. Звали её Анастасия Григорьевна. Она выслушала, сразу спросила, зачем нужна накладная. Я объяснила. Она повела нас в тесную конторку и открыла шкаф.

— У нас по месяцам. Бочарова, Соляная, девятнадцать? Вот. Нет, это за прошлый год. Позапрошлый нижний.

Она знала, где лежит каждая папка. Я невольно позавидовала.

В накладной стоял адрес, фамилия Нины и номер её найма. На обороте — подпись Тамары за выдачу комплекта и подпись человека, доставлявшего его домой. У доставки был свой воротный номер. Я сравнила его с насечкой на ручке. Не совпадал.

Так и должно было быть: прежний жилой путь отличался от нынешней складской подачи. Я переписала оба номера в тетрадь и попросила заверенную копию.

Анастасия Григорьевна не возражала. Передала папку помощнице, велела сделать два экземпляра. Затем достала свежий лист и нахмурилась.

— Волкова. Иди сюда.

Тамара вошла с мокрыми руками. Старшая показала ей лист.

— Отдел учёта сообщил, у тебя адрес выбытия. Зарплату за этот месяц пока на прежнюю книжку не проведут. Нужен новый адрес или отметка о временном пребывании.

— Я не выбывала.

— Я знаю. Но ведомость у меня вернули.

— Мне квартиру не найти сейчас. Я за прежнюю вперёд...

— Можно временный. У кого остановилась?

Тамара посмотрела на меня. Я назвала Кривую, восемь, не успев посчитать, что ещё придётся оформлять.

Анастасия Григорьевна записала.

— Хозяйка подпишет. На неделю, дальше обновите. Сегодня сдам.

— Это задержка только из-за адреса? — спросила я.

— По этому уведомлению да. Хотите спорить с учётом — спорьте. А мне надо людям зарплату провести. Подпишите здесь.

Я подписала. Тамара взяла у старшей пустой бланк, убрала под крышку коробки с ручкой.

В бельевой загудел подогреватель. Его звук отличался от здорового: в каждую ровную волну вплеталось дребезжание. Я подошла ближе. Тамара уже взяла корзину и вернулась к работе.

— Этот надо будет вам закончить, — сказала Анастасия Григорьевна. — Агата деньги получила. Мы новую опору ждали.

— Я видела заказ. Задаток учтён. Допуск сегодня получаю.

— Если не получите, передайте детали другому мастеру. Мы ещё неделю без этого не протянем. И шесть рублей не пропадут.

Она не была ни злой, ни особенно доброй. От неё зависело, будет ли бельё чистым, получат ли работницы деньги и сколько коек можно принять вечером. Я вдруг устала от собственного желания найти среди этих людей тех, кто просто поможет. Каждый уже что-то держал, и держал из последних сил.

Мы получили две копии накладной. Одну я оставила Тамаре, вторую убрала в сумку вместе с запросом. Феня попросила у помощницы старые обёртки. Ей дали небольшой пакет, который она несла обеими руками, словно в нём было что-то хрупкое.

Дежурный Палаты сохранности выдал мне бытовой допуск за десять минут до закрытия. Он перечислял виды работ: индивидуальный нагрев, простые замки без адресной привязки, освещение, ручная подача воды. Срок — до практического испытания. Крупные котельные системы и воротные опоры отдельно запрещены.

Лечебничный бак формально попадал в индивидуальный нагрев, если ремонтировать сам подогреватель без подключения к общей котельной. Это я уточнила дважды. Дежурный пометил в приложении, чтобы мне не пришлось доказывать на месте.

— Вера Андреевна, — сказал он, возвращая документы, — к вам есть приглашение.

На маленьком конверте стояла печать Палаты владений. Внутри — записка на плотной бумаге: меня ждали завтра в одиннадцать для обсуждения наследственных обязательств. Приём у Елены Вельской.

На втором листе требовали вернуть ручку из дома девятнадцать в ответственное хранение. Назвали её выведенной из употребления дверной деталью и дали срок — до завтрашнего полудня. Под требованием стояла та же печать.

Я спросила, является ли это предписанием его ведомства.

— Нет. Мы передаём как уведомление заинтересованной стороне. У вас свой акт осмотра. Приложите его к ответу.

Я сложила оба листа в конверт, не разрывая край. Феня ждала у наружной двери.

— Дали?

Я показала ей допуск.

— Бак завтра начнём.

Она улыбнулась, впервые за день без оглядки. Потом увидела второй конверт.

— Это что?

— Приглашение. Завтра схожу.

Я убрала конверт глубже в сумку. На улице зажигали фонари; фонарщик шёл с короткой палкой, касаясь нижней пластины каждого столба. Первые два вспыхнули жёлтым, третий мигнул и погас. Он вернулся к нему, поставил лестницу и полез смотреть. Мы прошли мимо, оставив человеку его работу.

Глава 8

Цена допуска

Елена Вельская принимала наверху, с окнами на протоку. Просители сидели этажом ниже и без приглашения дальше не попадали. Дежурный проверил моё имя и повёл по служебной лестнице. От мокрого дерева и свежей краски там щипало нос.

Вельская встала из-за небольшого стола и предложила мне стул. Среди трёх папок и стакана карандашей на блюде лежала половина яблока. Женщине было за пятьдесят; седые волосы она туго убрала в узел, на рукаве простого тёмного платья расплылось чернильное пятно. Я вдруг увидела в ней себя через двадцать лет — если к тому времени сумею устроиться и перестану вечно куда-то бежать.

— Вера Андреевна. Благодарю, что пришли. Я знала вашу тётку.

— Здесь многие знали.

— Да. Она участвовала в работах после большого паводка. Хороший мастер, своеобразный человек. Вы получили нашу записку?

Я положила уведомление о передаче ручки. Рядом — акт Матвея и заверенную копию лечебничной доставки.

Вельская прочла их, не торопясь. Копию накладной поднесла ближе к окну.

— Это за позапрошлый год. Проживание на тот момент мы не оспариваем.

— Сейчас люди там тоже живут.

— Есть свидетельства. Мы проверяем.

— Вы им хлеб подаёте.

Она вернула мне накладную.

— Через служебные пути работают разные подрядчики. Господин Рудин запросил осмотр. Он получит ответ. А вам я хотела бы объяснить положение мастерской, чтобы вы не смешивали два дела.

Она раскрыла верхнюю папку. Я увидела сумму долга за участок, номера уведомлений и небольшой план Кривой улицы.

— Ваша тётка допускала задолженность. Фонд предоставлял отсрочки, поскольку она обслуживала часть городских приборов. Вы пока не имеете аналогичных обязательств.

— Я подам на рассрочку.

— Можно. Или заключить договор обслуживания. Пятьдесят один рубль двадцать копеек зачтутся в счёт работ. На расходные материалы предусмотрен аванс. Сто рублей.

Срез яблока уже потемнел; похоже, доесть его Вельская давно не находила минуты. Зато о ста рублях говорила с той же лёгкостью, с какой Марфа — о пяти. Я ещё не дочитала первую страницу, а деньги уже успела мысленно потратить.

— Какие приборы?

— Квартирные нагреватели, звонки, мелкая водная подача. То, что входит в ваш временный допуск. После аттестации перечень расширим.

Предложение было хорошее. Работы — знакомые, объём — посильный. В договоре стояла минимальная ежемесячная оплата, отдельно оговаривались материалы и выезды. Я могла бы заплатить Фене за следующий месяц и не думать каждое утро, как купить соль.

— За что аванс? — спросила я.

— За выполнение договора. Вернёте, если прекратите раньше срока. Это обычное условие.

Я дочитала до последней страницы. В приложении перечислялись принимаемые на хранение детали. Первая строка: «Розетка воротной опоры С-19, доставленная гражданкой Волковой Т. И.».

— Ручка чужая. Я не могу передавать её по своему договору.

— Хозяйка подпишет отдельную передачу. Ей предложено возмещение. Сорок рублей.

— Она не продаёт.

— Вы спрашивали?

— Это звонок её сына.

Вельская отодвинула папку. Снизу показался другой документ — большой перечень участков, отмеченных красным. Она накрыла его рукой, убирая в сторону, и снова повернулась ко мне.

— Устье дважды за последние годы подходило к пределу береговой нагрузки. Если не закончить шлюз, следующая большая вода затронет три квартала. Соляная — один из них. Перемещение предусмотрено для безопасности.

— Людей не вывели.

— Если допущено нарушение, его исправят. Но опасные предметы должны находиться там, где их могут проверить. Вы бытовой мастер. Это следует и из вашего свидетельства, и из вчерашнего допуска.

Она не повышала голос. Мне хотелось, чтобы повысила: было бы проще встать и уйти. Вместо этого я ещё раз просмотрела суммы договора. Сто рублей аванса, зачёт долга, регулярная работа. На обороте последнего листа оставалось место для моей подписи.

— Рудин проверил, — сказала я. — Вы акт читали.

— Он осмотрел извлечённую деталь. Полную систему пока не проверял.

— Тогда пусть проверяет дальше. Ручку мы передадим по его акту, с сохранением рабочей связи и при хозяйке.

Вельская поджала губы. На какое-то мгновение я увидела усталость, почти такую же, как у Тамары.

— Вы вправе подать это предложение письменно. Только акт не даёт вам полномочий удерживать имущество служебного фонда.

— Документ о принадлежности фонду приложите. Я не нашла его в уведомлении.

Она некоторое время смотрела на меня. Потом написала короткую пометку на отдельном листе.

— Вам пришлют ответ.

— Договор можно без этой детали?

Вельская закрыла папку.

— Полагаю, пока разумнее отложить. Мы рассчитываем на сотрудничество, Вера Андреевна. В том числе при возвращении элементов городской системы.

Я собрала бумаги и попрощалась. Очень хотелось сказать что-нибудь про совесть, но я удержалась. Вельская проводила меня, заметно припадая на левую ногу. У её стола остался низкий пуф — вероятно, на нём она давала ступне отдохнуть.

В приёмной я задержалась возле окна. Там собрались люди с папками, узлами, мокрыми шляпами. Один мужчина считал монеты на ладони, другой дремал, прижав голову к стене. Я тоже была здесь с папкой и долгом. Отличалась только тем, что наверху мне уже называли цену.

На Кривую вернулась почти к часу. Феня расчищала лечебничный подогреватель. Тамара ушла на смену; оставила ручку, потому что требовалось поставить новый корпус. Матвей сидел у верстака с планом служебной рамки.

Я поставила сумку, сняла перчатки. Пальцы замёрзли, хотя день был мягкий.

— У Вельской были? — спросил он.

— Да.

— Что предложила?

— Договор. Сто рублей вперёд. И долг за участок зачесть.

Он не спросил, согласилась ли я. Взглянул на защитную коробку.

— Хорошая цена.

— Хорошая. Вы знали, что предложит?

— Нет. Но с ней проще работать, когда человек заинтересован в её решении.

— Вы заинтересованы?

Матвей сложил план. Феня перестала скрести корпус, посмотрела на нас, потом ушла в кухню за чистой водой. Не стала делать вид, что ничего не слышит.

— Я заинтересован в открытии дома, — сказал он.

— Почему?

— Там люди.

— Я знаю. Вы из-за них с утра до вечера сидите у меня? В другие мастерские тоже ходите по два раза в день?

Он встал, положил ладони на край стола. Я подумала, что сейчас уйдёт. Наверное, я сама ушла бы после такого вопроса. Но вчера он сумел назвать ошибку моей, а сегодня должен был дать мне право спросить о его работе.

— У меня брат пропал, — сказал Матвей. — Павел. Восемнадцать дней назад. Переписчик в городской конторе. Проверял служебные ведомости подачи. Я не знаю, попал ли он в этот дом. Но его записи были связаны с той же линией.

Я села. После двух дней его спокойствие наконец стало понятным и совсем перестало успокаивать.

— Он внутри?

— Не знаю. Нашли сумку возле складского прохода. Паспорт остался дома. Коллега говорит, Павел собирался сверить накладные, вернуться к обеду. Не вернулся.

— Сколько ему?

— Двадцать шесть.

— Живёт с вами?

— Отдельно. По субботам обычно приходил. В тот раз не пришёл. Я пошёл к нему в воскресенье.

Матвей говорил без пауз, только однажды остановился на глаголе и выбрал другой. Я подумала о днях между пропажей и воскресеньем. За это время можно было перевезти человека, снять адрес, потерять след. Сказать такое вслух было бы бесполезно и жестоко.

— Вы подавали заявление?

Он кивнул.

— Ищут.

— Как Тамару искали?

— Лучше. У Павла действующий адрес, работа, есть мои показания. Но пока недостаточно, чтобы открыть все служебные помещения города. Я использовал осмотр наследства, чтобы проверить тёткины незакрытые воротные работы. Она месяц назад просила у меня схему подачи. Я ей выдал.

— Значит, вы пришли не только за описью.

— Да.

Я убрала со стола письмо Зуева. Под ним лежала тёткина фотография — я сняла её утром, чтобы вытереть раму. Матвей посмотрел на фотографию, узнал кого-то слева.

— На восстановлении моста. До моего поступления.

— Агата про это не рассказывала.

— Могла. Тогда много работали. После паводка не до рассказов было.

— А сейчас?

Он посмотрел на меня. Я поняла, что вопрос можно принять по-разному, но не стала уточнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.